

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№2(18)
2004

Первоцвет

№ 2 (18) 2004

*Литературно-
художественный альманах
для юношества*

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская
библиотека
им. И. П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Зам. гл. редактора

Светлана Зубакова

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Регина Присяжникова

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Надежда Ярыгина

Компьютерная верстка

Нина Мазутова

Адрес редакции.

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 29-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

<i>Вера Козарь</i>	3
<i>Евгения Калугина</i>	6
<i>Светлана Петренко</i>	8
<i>Руслан Шестаков</i>	9
<i>Людмила Седых</i>	10
<i>Юлия Знайденко</i>	11
<i>Екатерина Трефилова</i>	11
<i>Анна Сидорова</i>	12
<i>Марина Шамсутдинова</i>	28
<i>Татьяна Мартынова</i>	29
<i>Наталья Камышова</i>	31
<i>Михаил Пихтин</i>	32
<i>Милана</i>	32
<i>Ольга Коробкова</i>	35
<i>Валерий Панов</i>	38

МИР ПРОЗЫ

<i>Александр Попов. Часы</i>	13
<i>Владимир Шавелкин. Взгляд в детство</i>	16
<i>Сергей Архипенко. Чистая игра. Воспитание</i>	39
<i>Антон Ветров. В один осенний вечер</i>	56

ГАЛЕРЕЯ

<i>Татьяна Ясникова. «Много раз перерождаясь, мы довыразим себя...»</i>	26
---	----

ПОДМОСТКИ

<i>Галина Деменкова. Рухнувший мир</i>	58
--	----

ЗОЛОТОЙ ФОНД

<i>Евгений Суворов. Четвертое письмо</i>	75
--	----

УЛИЦА УЛЫБОК

<i>Дмитрий Коньков. Беседы динозавров</i>	78
---	----

Страна поэзии

Вера Козарь

г. Усть-Кут

ДОМ

С теплом приходит добрый свет,
И в доме радостно таком,
Где скромненько завтрак и обед
И пахнет свежим молоком.

У входа встретит серый кот.
Мяукнет, морду наклонив,
И важно впереди пойдёт,
Простой мурлыкая мотив.

Потом и дети прибегут.
Стрельнут глазами. Потупясь,
Вопросов кучу зададут,
Вот вам и связь —

Времен, молитв, летящих дней
С сердечной детской чистотой,
С мерцаньем елочных огней
И с книгой — мудрой и святой.

«Все так, все так», — стучат часы,
Напоминая вам о том,
Что чай у вас давно остыл
И жалко покидать сей дом.

И грусть еще не улеглась...
А дети снова прибегут.
И на прощанье помолясь,
С собою Ангела дадут.

* * *

Отошла, оттаяла
В ягодной прохладе,
Утонула в свежести
Росных огоньков.
А потом оставила
Летних рожиц ради
Ссору у вокзала
Просто и легко.
А потом поверила
В сладость снов сосновых,
Мягкий шелест кедра
Душу ей пленил.

Но тянуло с берега
Отзвуками снова,
Теми, что из города
Ветер приносил.
И она уехала
В полночь опустелую...
Но опять от горечи
Ширились зрачки.
И давали трещину
Стекла запотелые,
Разбиваясь, падали
Розовые очки.

* * *

Уходить в золотые оконные рамы
С первым проблеском дней.
С первой болью свечей.
И сгорать, не сгибаясь,
Устало, но прямо
В непролитом вине
Золотистых лучей.
Пропитаться добром
И в добре раствориться.
И растратить себя
Не за медный пятак.
Над зеленым двором
Промелькнувшей жар-птице
Прокричать, что ты есть,
Что твой мир не пустяк.

* * *

Пустая затея
Сбежать от себя.
Чужая идея
Для сердца слаба.
И мысли чужие
Тебе ни к чему,
В пространства иные
Зря не зовут.
Приманки прелестны.
Идеи просты —
Использовать средства
Твоей чистоты.
Но в том и ошибка:
Нельзя отделить
Лицо от улыбки,
От образа — нить.
И тщетны пирушки
В последнем броске...
Пустые ракушки
В прибрежном песке.

Н. Ярыгина

* * *

Этот мир от безмерной любви невесом.
 В темноте так легко вспоминать о хорошем.
 Берегу до утра недосмотренный сон,
 А сейчас из окна наблюдаю за прошлым.

Те же звуки, шаги, тишина и печаль,
 И беды неожиданной черное дуло.
 И бессонна луна, и щека горяча.
 Страх крадется как тень от старинного стула.

Робкий дождь зашуршит. Я усну на заре
 Среди розовых волн, не успев разреветься.
 А сейчас мертвый миг. Кошка спит во дворе
 На скамейке из давнего, теплого детства.

Евгения Калугина

*лауреат областной конференции
 «Молодость. Творчество. Современность»
 г. Ангарск*

* * *

Мне ничего не стоит впредь
 Не быть коленопреклоненной
 Перед мечтой, оставив твердь
 Душевной боли неизменной.

Мне ничего не стоит дверь
 Прикрыть, загадочной остаться
 И у подножия потерь
 Бессильной тенью распластаться.

Но не желаю и во сне
 Вновь ослабеть и покориться
 Той силе слов, что не во мне,
 В погибшей памяти таится.

Весь путь пройти и наяву
 Волшебных струн рукой коснуться...
 Я так хочу. Я так живу.
 Пусть ночь не даст назад вернуться.

ПРУД

Небо опрокинуто, как блюдо,
 В мутное течение навек.
 Бесконечной кажется минута,
 Кажется нелепым человек.

Я смотрела — заводь колыбалась.
Губы застывали в немоте.
Суетно, но все же познавалось
Легкое блаженство в темноте.

Взору на мгновение встречались
Ленточки растекшихся огней —
Это фонари с водой венчались
В праздник оживающих теней.

В странном забытье открыла тайну:
Счастье с каплей горечи — бальзам,
Что необратимо — не случайно,
Но покой препятствует слезам.

Долгая отринутость от боли
В тихом созерцании волны,
Притупленность покоренной воли,
После — заживляющие сны.

Так мой разум свергнул раболепство,
Ежась в романтическом бреду.
Каплями рассеивая детство,
Я была в тот вечер на пруду.

* * *

Неизвестно, чьей победой
Завершится этот бой.
Ты любви моей отведай.
Сердце полнится тобой.

Пригуби тепла и страсти,
А потом судьба решит:
Если двое рвутся к счастью —
Чей венок из лавра свит?

МАЙ

Каждый год приходят сроки:
Май землей овладевает.
День, у солнца взяв уроки,
В рощах листья вышивает.

Там, где, камни омывая,
Плавно реченька струится,
Песня чудится, взывая
В этот светлый мир влюбиться.

Там, где, словно дар природы,
Росы падают в ладони,
Сердце, скрыв бывшие годы,
От блаженства тихо стонет.

Май — березовые слезы.
Нет их чище и красивей.
В роще, где стволы белесы,
Так легко дышать Россией!

Светлана Петренко

ПИРОГ

Наша жизнь — слоеный пирог.
Где памяти сладость
Присыпана густой надеждой
На встречу.

* * *

С чем мы приходим к Новому году?
С надеждой на чудо,
Подарки от Ангела,
На тихое счастье у печки затопленной,
На кроткую радость от встречи с любимым,
Растаявшей легкой пушистой снежинкой.

ОДИНОЧЕСТВО

(Бывает одиночество такое, когда ты
хочешь хоть бы собственную тень
погладить нежно на стене рукою)

Белые льдины,
как белые лебеди
Плывут, качаясь,
на быстром течении.
Так время уносит
дни в бесконечность,
Ту бесконечность,
что зовем мы жизнью.
Время уходит,
юность уносит.
Оставляет свой отпечаток
на лицах — ветшают лица.
Как флаги под ливнем.
Теряют яркость.
...Седины инеем.
Дорога длинна.

Так порою видится.
Но короче
становится
День за днем.
Туда,
далеко,
где белеют туманы
С одиночеством об руку вместе идем.
Белые льдины,
как белые лебеди
Плывут,
качаясь,
на быстром течении.
Плывет поспеша наша жизнь
...в бесконечность.
Там жизнь без любви не имеет значения.

НАСЛЕДСТВО. ТЕБЕ. ОТ НЕГО

У тебя не так уж мало и осталось —
Ждать, любить, страдать,
Надеяться и верить.
Ожидание окрасит будни
Горько-черно-желтыми цветами,
И любовь не принесет, наверно,
Ни сиянья губ, ни вдохновенья.
И глаза подернутся туманом
Прикрывая бездно-тонну боли,
Спрятанную от людей глубоко
Мелкими морщинками упрека.
Но надежда не умрет последней,
Вера будет теплиться углями,
Серым пеплом покрывая душу,
Заливаясь мутными дождями...

Руслан Шестаков

г. Черемхово

* * *

Я ухожу сквозь непогоду,
Когда она наводит грусть.
Прости за этот мир природу.
Я ухожу и не вернусь.
Пусть блещут новые зарницы,
Пусть разгорается заря.
Я не вернусь. Не стоит злиться —

Страница поворота

Я уже поднял якоря.
Прости меня, прости, как сможешь.
Не умоляй, не проклинай.
Я был твоим. Ты растревожишь
Себе лишь душу. Все. Прощай!
Прощай ошибки. Нет нам доли.
Мы разошлись как корабли.
Не плачь. Не надо. Больше воли
На этом краешке земли!

* * *

Уходит караван страстей.
И сердце бьется все ровнее.
И я не жду уже вестей.
И жизнь становится длиннее.
И вновь закручена спираль —
Все продолжается по схеме.
И дней ушедших очень жаль,
Но жизнь в безжалостной системе:
Сердца и души жернова
В муку размалывают с болью.
Но, как всегда, любовь права,
И я смирился с этой ролью.

* * *

Когда придет мой судный день,
Тебя, увы, не будет рядом.
Мы не простимся нежно взглядом,
Когда накроет веки тень.
Но пелена с глаз упадет,
И ты меня на миг увидишь,
И даже если ненавидишь,
К тебе раскаянье придет.
Любовь, как жгучая слеза,
На сердце болью отзовется...
Мне жаль, что не тебе придется
Закрыть ладонью мне глаза...

Людмила Седых

г. Иркутск, школа № 77, 5 класс

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНКЕ

На лесной полянке
Повстречала я зверей:
Птичку кукушку,
Хомячка, лягушку.
Кукушка посчитала —

Осталось долго жить.
А хомячок с лягушкой
Хотят со мной дружить.

Юлия Знайденко

г. Шелехов, школа № 4, 11 класс

ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ В ЛЕТО

Хочу вернуться в лето,
Хочу услышать птиц,
Чтоб звезды до рассвета
Смотрели с неба вниз.

Хочу увидеть море
И блеск его воды,
Хочу увидеть поле
И яркие цветы.

Хочу увидеть небо
И берег под луной,
Чтоб слышно было где-то,
Как лес шумит листвою.

Хочу вдохнуть я зноя,
Хочу увидеть день,
Услышать шепот моря
И видеть рощи тень.

Хочу увидеть лето,
Хочу вернуть его,
Хочу луны и света
И знойное тепло.

Екатерина Трефилова

г. Братск, детский литературный клуб
«Братские роднички» при Дворце творчества
детей и молодежи «Гармония», п. Гидростроитель

ИГРА

Бесцветный закат,
Опустевшие реки,
Сухие поля,
Деревья молчат.

Птицы застыли
В пустующем небе,
И рыбы лежат
Без движения в грязи.

Нет, это не мир,
А игрушка ребенка.
Он так акварелью
Свой страх рисовал...

Анна Сидорова

*г. Братск, детский литературный клуб
«Братские роднички» при Дворце творчества
детей и молодежи «Гармония», п. Гидростроитель*

* * *

Ловить весь мир на ощущеньях,
Сквозь стены чувствуя ветра.
Всю жизнь мечтая о прозреньях,
Бежать от светлого окна.
И никогда не догадаться,
Снять с носа темные очки
И хоть немного постараться
Приблизить тайные мечты.

* * *

Время осени златокудрой
Нас окутало листопадом,
И все ближе с каждой минутой
К нам становятся снегопады.

Кто с надеждой, а кто с печалью
Ждет пришествия белоглади.
Я загадываю желанье,
Потонувшее в звездопаде.

ЧАСЫ

Рассказ

Мне было девять или десять лет, я гостил в деревне у дедушки с бабушкой.

В кухне висели старинные часы с кукушкой; они сразу привлекли мое внимание, точнее, заинтересовала только кукушка, которая с шумом выскакивала и громко, голосисто куковала почти как настоящая.

— Как внутри все происходит? — спрашивал я себя, прохаживаясь взад и вперед возле часов. — А может, кукушка живая? — Но я иронично усмехался. Лазил вдоль белой стенки, заглядывал в механизм и пачкал нос и одежду известкой. — Как кукушка узнает, что надо выскочить и прокуковать столько раз, сколько показывают стрелки?

Скоро — двенадцать дня. Должна, как обычно, показаться кукушка. Я подошел к часам поближе и стал ждать. Шумно распахнулись ставенки, и черная блестящая кукушка шустро, словно ее кто-то вытолкнул из убежища, выскочила и с веселой деловитостью точно прокуковала двенадцать раз. «А если разобрать часы и заглянуть вовнутрь?» — Мысль мне понравилась, но было боязно: могли в любое время прийти с базара дедушка и бабушка.

Мой двоюродный брат Миха — он рисовал военный корабль, который у него все больше начинал походить на утюг, — посмотрел на меня с улыбкой:

— Интересно, да? Тем летом, Серега, я хотел заглянуть, как там. Но дед заловил и чуть уши не отодрал.

— Если — быстро? Они не скоро вернутся. Давай посмотрим?

Миха с мужиковатой медлительностью почесал в своем выпуклом с лишаями затылке, шморгнул простуженным носом и протянул:

— Мо-о-ожно вообще-то... но дед...

— Мы — быстро-быстро, Миха! Сразу назад повесим. Как?!

— Была не была! Но нужно когонибудь за ворота отправить.

Попробовали уговорить мою родную сестру Лену, но она не только отказалась — пообещала все рассказать взрослым, то есть наябедничать. Но моя вторая родная сестра, Настя, упростила ее не выдавать и вызвалась сама вместе с Люсей, сестрой Михи, прекрасной девочкой, которая мне очень нравилась, постоять у ворот.

Как только они махнули нам с улицы — я кинулся к часам, осторожно снял их и положил на стол. Мы открыли три винтика с задней крышки, и когда я осторожно приподнял ее, в часах что-то еле слышно пискнуло. Раздалось одно «ку-ку». Я повернул часы циферблатом вверх — в раскрытые ставенки упала кукушка, они почему-то не закрылись.

— Ч-часы остановились, Миха, — произнес я и прикусил губу. Мне показалось — в моих волосах что-то зашевелилось.

— Остановились?

Мы взглянули друг другу в глаза и почти одновременно вскрикнули:

— Вот черт!

Слегка потрясли часы, покрутили стрелку, подергали за цепочку с гирькой и кукушку, которая, как только мы ее отпускали, падала в свой домик, — часы стояли.

— Что будем делать? — спросил я.

— Полома-а-али! — каркнула за нашими спинами вездесущая, вредная Лена. Я конвульсивно вздрогнул — казалось, меня уже ударили ремнем.

— Цыц, ворона! — Миха, недолюбливавший Лену, поставил ей щелчок.

— И еще дерешься? Все дедушке расскажу!

— Только попробуй! — Миха замахнулся на нее кулаком, но она шустро выскочила в соседнюю комнату и захлопнула за собой дверь; однако успела напоследок показать язык.

— Что же делать? Что же делать? — лепетал я и воображал разные наказания. Ожидал от всегда рассудительного, деловитого Михи какого-нибудь спасительного решения.

Широкое смуглое лицо Михи оставалось спокойным, и мне казалось — он вот-вот скажет то, что нас должно выручить. И Миха сказал — но совсем не то, что я ожидал:

— Выпорет нас дед.

У меня, признаюсь, похолодело внутри от этих просто и буднично произнесенных слов. Расплаты за содеянное я не желал, и мой воспаленный мозг искал, искал путь к спасению. Но не находил. Вбежала Настя и крикнула, словно окатила нас ледяной водой:

— Идут! Купили петуха! — и, радостная, скрылась за дверь.

У меня мгновенно пересохло в горле. Я хотел что-то сказать Михе, но лишь просипел. Мои руки дрожали. Я в отчаянии дергал стрелку, кукушку, цепочку, зачем-то дул в механизм. Миха стоял красный и потный.

— Да не тряси ты их! Давай закрутим винтики и повесим на место, — что еще остается? Из-за двери выглянула Лена.

— Попробуй, Ленка, сказать! — кулаком погрозил Миха.

— Скажу, скажу!

Я подбежал к сестре, вцепился в руку и, чуть не плача, стал просить:

— Пожалуйста, Ленча, не говори! Тебе что, будет приятно, если меня высекут?

Сестра с брезгливой жалостью взглянула на меня. Я смотрел на нее с надеждой, не выпускал ее руку, но в душе презирал себя. Однако чувство страха было сильным.

— Эх, ты! — сказала сестра. — И как ты в армии будешь служить? А вдруг — война, и тебя возьмут в плен и будут пытаться? Ты тоже будешь хныкать? Ладно уж, не скажу. — Враждебно взглянула на Миху и, назвав его дураком, побежала встречать дедушку и бабушку.

Мне было мучительно стыдно за мое

ничтожество и трусость. «Хоть бы Люсе не рассказала». — И эта мысль меня неожиданно стала волновать больше, чем предстоящее возмездие.

Мы прикрутили винтики, повесили часы и убежали в сарай. Через щелку видели, как бабушка наливала троим пороссятам; упитанные, грязные, они ринулись к большому корыту, едва она открыла стайку, и принялись с чавканьем уплетать картофельное вариво. Один из них, Вась Васич, как его величала бабушка, залез с ногами в корыто и так уписывал. А его товарищи, которые были, наверное, скромнее и культурнее, выбирали из-под него, сунув грязные мокрые рыла под свисающее брюхо наглеца.

— Покатаемся на пороссятах? — предложил Миха, как только бабушка ушла.

— Давай!

Я так обрадовался, так меня захватила новая игра, что на время даже забыл о своем преступлении. Мы осторожно подкрались к пороссятам, которые, начавкавшись, развалились на опилках и сонно похрюкивали. Договорились, что я заскочу на Вась Васича, а Миха — на черноухого кабана.

— Вперед! — скомандовал брат. И мы опрометью побежали к пороссятам.

Я запрыгнул на Вась Васича, вцепился в его вислые уши и крикнул:

— Но-о!

Вась Васич грузно поднялся, пронзительно взвизгнул и рванулся с места. Немного пробежал, поскользнулся и рухнул на передние ноги. Я соскочил с его плотной, жесткой спины и упал в грязное, с остатками варива корыто. Миха благополучно прокатился на своем смирном кабане и загнал его в стайку. Хохотал надо мной, помогая очиститься.

О своем злодеянии с кукушкой мы совсем забыли и весь день до вечера пробегали на улице. Домой явились веселыми, возбужденными, но увидели дедушку — притихли.

Он сидел за столом над часами. Его круглые очки были сдвинуты на самый кончик носа. Мельком взглянул на нас поверх стекол и сухо спросил:

— Кто поломал?

Мы молчали. Когда дедушка поднял

на нас глаза, мы одновременно пожали плечами и стали потирать: я — лоб, а Миха — затылок, как бы показывали, что истово думаем и вспоминаем.

— Может, деда, кошка на них прыгнула с комода, — предположил я. Чтобы не смотреть дедушке в глаза, я стал соскабливать со своей куртки высохшую грязь.

— Кто, едят вас мухи, поломал? — рыжевато-седые брови дедушки сдвинулись к переносице. Сняв очки и задрав свою солдатскую гимнастерку, он стал неспешно вытягивать из галифе тонкий сыромятный ремешок.

— Дедусь, не мы, — смотрел Миха на дедушку так, как может смотреть самый честный человек; он тайком показал Лене кулак. Но она, как мы потом узнали, нас не выдавала — дедушке, разумеется, было нетрудно самому догадаться.

— Не вы? — вскинул отчаянно-рыжую, но жалко-седую голову дедушка и намотал на свою маленькую костистую руку ремешок.

Мы молчали, опустив плечи. При вскрике дедушки я невольно чуть отступил за Миху, но, вспомнив о Лене, которая испуганно и с сочувствием смотрела на нас, я совершил полушаг вперед, и оказался впереди Михи сантиметров на десять.

— Так не вы?! — подступая к нам, свербящей фистулкой крикнул дедушка.

Я увидел вышедшую из горницы Люсю и неожиданно для себя и Михи сказал:

— Мы, — и крепко сжал зубы, готовый принять удар.

С появлением Люси все мои движения были направлены не на то, чтобы как-нибудь защититься от ударов, — наоборот, открыться, и открыться так, чтобы видела Люся, эта тихая, скромная девочка, которой я был просто очарован.

Дедушка стеганул нас по два раза и за ухо развел по углам. Только он меня поставил в угол — я сразу же шагнул из него вдоль стены, собирая на куртку известку: на меня, я чувствовал, смотрела Люся, и я просто не мог не быть перед ней отчаянным смельчаком, пренебрегающим строгостью взрослых, даже таких грозных, как дедушка.

— Что такое! — рявкнул дедушка, снова копясь в часах.

Я подчеркнуто нехотя, досадуя на Люсю за то, что смотрит на меня, встал в угол, но не полностью. «Противный, противный старикашка!» — шептал я пересохшими губами. Миха из своего угла подмигивал мне и забавлял девочек, гримасничая.

Через час дедушка сказал нам, что мы можем выйти. Миха, улыбаясь, прямо-таки выпрыгнул, а я остался, полагая, что поступаю назло дедушке. Я решил не выходить из угла, пока не упаду от усталости. В моем воображении уже рисовалось, как я лежу на полу изможденный и как надо мной плачут родственники и проклинают злую дедушку.

Дедушка подошел ко мне и положил руку на мое плечо. Я резко отпрянул в угол и надул губы.

— Ну чего, разбойник, чего дергаешься? — дедушка легонько и как бы осторожно потянул меня из угла. Моя душа наполнялась капризным и радостным чувством победителя. — Зачем ломаешься? Виноват — получил. Справедливо? Коню понятно!

Я молчал, сердито косясь на дедушку. Он вынул из своего кармана конфеты горошек, сдул с них крошки табака и протянул мне:

— На... нюня.

— Не хочу.

— Бери! — сердито сказал, почти крикнул он. И я взял.

Минут через десять мы все вместе сидели за столом и ели с чаем испеченные бабушкой пирожки с черемухой. После ужина я с дедушкой и Михой мастерил вертушку. Дедушка на удивление все ловко делал своими кривыми, покалеченными на войне руками, шутил, рассказывал смешные истории. Мне не хотелось верить, что совсем недавно этот человек бил меня, что я ненавидел его и, стоя в углу, помышлял отомстить ему, хотя и понимал, что сам виноват. Теперь у меня к нему не было ненависти и не было желания мести, но и не было, кажется, прежней любви.

Вот так порой вспомнится детство, а зачем — Бог его знает! Но в душе теплет. Выходит, неспроста вспомнил?

Мир
чужой

ВЗГЛЯД В ДЕТСТВО

НА БОНАХ

Ангара находилась в двадцати километрах от поселка, где мы жили. В те времена по ней еще плыли большие плоты, влекомые баржами. Иногда баржи притыкали длинные плоты к берегу. И они могли торчать долго, пока не утащат дальше. В середине часто незакрепленные, прижатые друг к другу бревна, занимавшие в длину по сто, двести, триста, а иногда и более метров, в глубину пятьдесят или сто, мы называли бонами. И любили с них рыбачить — не нужна ни лодка, ни плот. Ездили с Васькой, соседом, на Ангару на макарьевской передаче. Васька нескладный, патлатый мальчуган, росший при тетке и старших братьях без матери, погибшей в автомобильной аварии. Штаны у него вечно вытянуты в коленках, щеки втянуты и с впалыми глазами над заостренными скулами выдают примесь какой-то мордовской, что ли, крови.

Но без взрослого добычу отберут местные мальчишки и наподдают еще. Поэтому мы примыкали к соседу Васьки, инвалиду Хворостенко. Тому под шестьдесят. Он нигде не работал, немного отойдя после парализации, руки и голова все тряслись. Бескровный, с впалыми щеками и худой грудью, двигался медленно. И зачастую сидел у стаяк в нашем дворе, на скамейке, отдыхал, греясь на солнышке, чинил снасти на рыбалку. Видимо, она успокаивала его нервы и благотворно влияла на пошатнувшееся здоровье. Часто уходил поутру на передачу с рюкзаком, в котором снасти и съестные припасы, а вечером возвращался обратно.

Передача останавливалась за горкой, в десяти минутах ходьбы от двора. И дальше тепловоз тянул три или четыре вагона мимо Каменного карьера с отвесной и выщербленной от добычи камня белесой стенкой. Вдоль черемуховых зарослей, белых березняков, бегущей в Ангару речки-ручья Че-

ремшанки с невысокими глинистыми обрывами, то петляющей поблизости к рельсам, то убегающей в сторону, в зеленую траву. Вот и Макарьево. Еще издали видно — приветливо синее полоса большой реки! И воздух свеж и напоен лесными, травяными ароматами. В рабочем поселке воздух суше, пыльный, часто отдает примесью фабричных и заводских запахов...

Около дороги на взгорке темнеет сосновый лес. Из него доносится надоедливое трещанье сороки-стрекотухи и птичье многоголосое пенье. У реки густой дух сырого дерева, круглой неошкуренной сосны с белыми срывами. Сосед Васьки, задыхающийся, медленно снимает рюкзак, ищет место для кострища на песчаном берегу. А мы, наскоро нахватав и притащив валяющихся поблизости палок и небольших бревешек, спешим на боны, разворачивая удочки. Сосед располагается, не торопясь.

— Смотрите, осторожней, — предупреждает он нас синими губами на сером лице. — Есть топляки незакрепленные, нырнете и не вылезете.

Но мы резвые скачем по бонам, словно гураны. Со мной домашняя собачка Роза. Она тоже радуется свободе, свежей воде и вольному воздуху, прыгает с бревна на бревно...

К полудню порыв нашей радости стихает. У соседа клюет, а у нас нет. Наскучивает закидывать удочки с поплавками в прозрачно-зеленую воду с плавающими мелкими кусочками коры, и мы начинаем слоняться по бонам, ища, где же рыба? Солнышко пригревает, и бревна сверху становятся теплы, не холодят босых ног. Только когда редко проплывающие мимо моторки или корабли поднимают волну, бревна начинают раскачиваться, и выплескиваемая из-под них вода мочит и холодит сухую бугристую кору, отчего она темнеет... У берега, и глубина-то с полметра, Васька замечает в небольшом отверстии, похожем на полынью, больших рыбин.

— Во, смотри, пелядь или караси ходят! — вытаращив глаза с загнутыми белесыми ресницами, шепчет он, чтобы не спугнуть добычу.

Мы опускаемся на коленки и бросаем удочки с крючками, на которых червяки, прямо под нос большим рыбам. А они, как назло, равнодушно проплывают мимо.

— Эх, острогу бы! — мечтает Васька.

— Икру мечут, потому не клюют, — догадываюсь я.

Нам надоедает глядеть на заманчивые тени мелькающих у дна рыб. И мы идем купаться. Вода в июне еще холодна, жжется. Но снимает жар и смывает пот, выступивший капельками на лбу и под нагретой на спине рубашкой. Окунувшись, чтобы не отбить клев, подальше от соседа, вылазим на боны и греемся, наблюдая простор искрящейся на солнце реки, за которой только даль того берега с полями, синеющими лесами, плавно утекающими к горизонту холмами. Тело после купания становится словно новое. Несильный ветерок ощутимо холодит, кожа покрывается частыми пупырышками. Но быстро обсыхает, согревается, и сыпь пропадает. Хочется есть. Прыгаем по бревнам к костру. Роза, всюду, точно хвостик, следующая за мной, попав на незакрепленное бревнышко, соскальзывает в воду и, царапая черными когтями по крутящемуся дереву, не может выбраться. Я от страха — зажмет разошедшимися бревнами и конец — прыгаю к ней и выхватываю за шкуру из коварной западни. Дальше осторожней, прижимая к себе собаку, следую за Васькой.

— Чуть не утонула, — показываю ему на мокрую маленькую сучонку с белым кончиком хвоста и коричневой шерстью.

У костра колдуем над вкусным дымом:

— Дым, я масло не ем, дым, я масло не ем! — гнусит Васька, закашлявшись. На него словно нарочно относит сизую струю. На глазах у рыбака наворачиваются слезы, из носа течет...

Костер развел сосед и ушел. Он притух. Мы добавляем дров. И весело трещит внутри белых, местами уже закопченных камней бесцветным при

дневном свете пламенным гребешком. Открываем тушенку. Она так сытно вкусна со свежим хлебом, пахнущим, кажется, рекой и нашей непоиманной рыбой, голубым небом с белыми вольными облаками и свободой. Невысоко над нашими головами носятся, свиристы черные с белой грудкой и брюшком ласточки-береговушки. Шумно махая крылами, точно веером, музыкально и гортанно каркая, пролетают вороны. У Васьки в термосе чай с малиной, кисло-сладкий. Им запиваем, бросая кусочки мяса Розе, неотрывно глядящей нам в рот карими умными глазами и от нетерпения облизывающей розовым языком, так что он достает до черного носа. Клацая клыками, собака на лету ловит подачки и ждет еще. Хворостенко все ловит, ему не до обеда...

Но как ни бесконечен летний день, он кончается. Солнце спускается к снсяку на горке. И краснеет. Медно-золотыми становятся стволы сосен. Сосед сматывает удочки. По теплой, нагретой за день пыльной дороге идем обратно. Впереди, крутя кренделем хвоста, бежит Роза и шныряет в травяные заросли, кусты. Она, кажется, ничуть не устала. Не то что мы.

В ВОЛОГДЕ-ГДЕ...

Ранним синим утром Вовка проснулся от радости. С вечера родители договаривались с дядей Гошей и тетей Галей ехать в воскресенье на Ангару отдыхать. Это значит, купаться, хоть в холодной, но чистой и быстрой реке, а не в грязном пруду недалеко от дома! Можно и порыбачить. Вовка сразу унюхал вкусный запах жареной картошки. Она шумела-шипела на сковороде, особенно когда открывалась крышка — на кухне колдовала мама. К картошке белое молоко из двадцатикопеечной литровой бутылки и хлеб — и больше ничего не надо! Наскоро надев носки, сандалии, трико и рубашку, мальчик побежал мыться. Ванна была общая, коммунальная. Рядом с ней стоял железный с дверкой титан, в котором подогревали горячую воду. Мыло простое и пахло просто. Зато сковорода чугунная, на

Мир природы

которой мама подала картошку. На ней такая вкусная получается, золотисто зажаренная хрустящая корочка. И хлеба белые корки-верхушки тоже его, Вовки. Вовка скребет, драит ложкой прилипшие к низу сковородки корки. Самая вкуснятина! Но пора выходить на улицу, где призывно голубеет за окном незабудковое небо. Вовка в три прыжка слетает с деревянной лестницы второго этажа, придерживаясь для устойчивости о перила. Верхняя их перекладина выглажена до скользкого блеска руками и мальчишескими задами. Кое-где пролеты выбиты — дела рук Вовки и его друзей, игры в прятки-голилки. Свежий вкусный воздух встречает на улице. Июньское солнышко светло улыбается с небес, а ветер-озорник забирается под рубаху и холодит, пока он ждет маму и отца. Подходят дядя Гоша и тетя Галя с сумкой. В ней, знает Вовка, сытная провизия. Отец, высокорослый и худой, выходит вперед мамы.

— Бутылку-то взяли? — говорит он свояку ниже его ростом на полголовы, с лохматыми черными бровями и крупным носом. — А то не поеду.

— Взяли, взяли, — успокаивает дядя Гоша.

Вовка вприпрыжку, вперед взрослых спешит-торопится на передачу, спускаясь с горки за линией. Народу много на перроне, все пестрит разноцветными легкими летними одеждами. Женские, девичьи платья, словно крылья бабочки, развеваются от дуновений легкого ветерка. Подходит, пыхтя, тепловоз, тащит пять пассажирских вагонов. По высоким решетчатым ступенькам народ взбирается и занимает деревянные, еще холодные кресла-сиденья. «Кукушка» трогается, и медленно для Вовки, прилипшему теплым носом к прозрачно-ледяному окну, смывает за окном знакомый пейзаж — гору, ручеек, зеленеющий травой скат оврага, переезд с черно-белым в полоску шлагбаумом, за ним машины. И быстрее, быстрее начинают мелькать за окном новые виды. Горки, поляны с цветущими жарками и колокольчиками, зелено-белые березняки. У Каменного карьера передача останавливается. Черные, точно уголь, которым топят зимой, бараки и частные дома у нависшей недалеко

белой стенки, здесь добывают известь. Народу еще добавляется, кое-кто уже стоит в проходе.

Наконец, Макарьево! Еще издали доносит сырой и свежий запах реки. Над ней белесо-серые космы тумана. Но у станции тепло, пригревает солнышко, светло поют в сосняке, мимо которого шагает Вовка, птахи. Лес высоко темнеет над головой, сумрачно в его дальней глубине. Бугристыми узлами переплелись под ногами корни деревьев, скользят опавшие рыжие иголки. Но рядом просторные и яркие зеленые поляны, залитые солнцем, в мелких благоухающих цветах. Тут одуванчики, вон куриная слепота желтеет. Какие-то неведомые цветики белеют граммофончиками. Отдыхающие идут и впереди, и позади. Как ни торопится Вовка, взрослые не бегут, и приходится останавливаться, ловить зеленых кузнечиков, следить за бархатисто-ярко-красными бабочками-пожарницами с черной узорчатой каймой по краям крыльев и голубыми глазами на них. Они то открывают, расправляя крылья, эти глаза, то складывая, закрывают, словно куклы в магазине «Детский мир». Мальчик гоняется за медлительными сиренево-зелеными мотыльками, летающими зигзагами вниз-вверх. А над великолепием луга разносится, звонко, далеко звучит голос знакомого артиста из транзистора молодых отдыхающих, уходящих вперед и дальше всех:

— В Вологде-где-где, в Вологде-где...

Река распахивается из-за сосняка большою синью с взрыхленной кое-где зеленою рябью и белыми барашками волн. У Вовки захватывает, занимается дух от радостной встречи с ней! У берега намыло плес из песка. Он каймой огородил неглубокую лагуну для купания ребятни. Здесь, на песочном берегу, и останавливаются взрослые. Вовка скорее скидывает с себя рубашонку, штаны, сандалии, носки, мокрые и отсыревшие от травы в росе, — он сбегал с темно-сырой, еще не высохшей поутру песочной колеи ловить кузнечиков. Мама небольшого роста, округло-полная, такая же тетя Галя, ее племянница, только волос у нее черный, а у мамы темно-русый, вьющийся колечками на плечах, — остерегает:

— Куда? Смотри, вода холодная, заболеешь, далеко не лезь!

Но Вовка уже измочил черные трусики о жгучую воду. Ноги краснеют, по телу бегут пупырышки. И Вовка выскакивает на теплый, чуть нагретый белый песок с черными и светлыми блестящими крупинками серебра. Но разве можно удержаться, чтоб не влезть снова. И Вовка, глубоко не заходя, плещется у берега.

К полудню солнце набирает силу и начинает жечь. Уже давно развеялся, даже на той стороне, серо-облачный туман у леса, исчез в темной логовине сосняка, будто медведь в берлоге. Взрослые сидят, закусывают, выпивают, полощутся у берега. Они понадевали шапки, сделанные из газет, как у ковбоев. А Вовка валяется рядом в горячем песке, ест вкусное — колбасу и конфеты. И опять бежит в воду, где он зацепил небольшое сосновое, в коричневой шершавой коре бревешко. Оно ему и корабль, и спасательный круг, и плот. После обеда кожа на плечах краснеет. Такая же она становится у мамы и тети Гали. Папа и дядя Гоша уже натянули рубашки поверх трусов, только ноги у них голые. К вечеру все тело Вовки пламенеет красным жаром.

— Сгорел! — ужасается мама.

И долго потом больно Вовке надевать рубашку на обгорелые плечи. Они только через два-три дня начинают облазить. С них лафтаками отходит, скатывается тонкий слой кожи. Мама мажет плечи себе и Вовке каким-то жирным кремом.

Но все равно здорово отдохнули! Вовка вспоминает, как шли обратно по дурманящему нагретой хвоей сосняку, садились в передачу, все довольные и веселые.

— Напился, у, свинья! — заталкивала толстая баба в ситцевом платье с полными белыми руками худого мужичонку в высокий вагон.

А тот кочевряжился:

— Никуда я не поеду, пусти меня, — пытаюсь выскользнуть из сильных объятий супруги.

За окно передачи мальчик уже не смотрел, сморенный дневным жаром, засыпая на коленях у матери от раскачивающего ритма вагона. У Вовки едва

хватило сил подняться опять в горку. Дома, толком не обмывшись, он упал в мягкую белую постель. И провалился куда-то почти мгновенно. Он не слышал и не видел, как мама подходила и встревоженно щупала его голову перед тем, как лечь:

— Не заболел бы, — шептала она отцу. — Ишь, наплюхался.

А Вовке снилась река. Мирно плескала светлую водою, в которой играли солнечные отраженные зайчики. И Вовка, играя с ними, смеялся от счастья.

КАК МЫ ВОРОВАЛИ

В детстве в нашей ограде жили братья Васильевы. Старшего Витьку за мягкий характер обзывали порой Василиса. Я же к нему тянулся, потому что был тоже не жесток. Жили братья Витька и Женька с младшей сестрой в общежитии. Небогато, как и я с родителями. В одной комнате. Мать и отец их с полочки и аванса любили выпить. Сахар с хлебом — любимое и распространенное лакомство братьев и сестры, которым угощали они меня. В один «прекрасный» день — не знаю, кто уж подзудил, надоумил Витьку — предложил он мне залезть на молокозавод. Он находился неподалеку от ограды, за железнодорожной линией, где тепловозы, свистевшие по ночам, таскали груженые и порожние углярки с разрезов на обогатительную фабрику и обратно. На заводе молоко, кефир и сметану в благополучно-сытые брежневские времена заливали в стеклянные бутылки и баночки. Большая пустая бутылка из-под молока стоила в магазине двадцать копеек, малая — пятнадцать, столько же банка из-под сметаны. Эту посуду, которая в гнутых из толстой жесткой проволоки ящиках стояла во дворе молокозавода, решил Витька воровать. Они уже лазили на завод с братом через бетонный с колючей проволокой забор. И уперли ящика два-три. Я, смутившись и чуть поколебавшись, согласился.

Вечером, когда стемнело, Витька, я и Женька подкрались к дальнему забору, где был выступ и колючая проволока порвана. Наблюдали в щель, как загру-

Мир природы

жались у подъезда молоковозки, ярко освещенные прожектором. Немного в стороне у корпуса завода в затемненье громоздилась тара, предмет наших вожделений. Когда очередная молоковозка отъехала и во дворе никого не стало, Витька с Женькой прыгнули через забор и понеслись к таре — до нее было метров сорок-пятьдесят. Я стоял на васаре. Нервы напряглись, тело вздрагивало от каждого постороннего шума. Скоро братья, запыхавшись, притащили ящик с большими бутылками. И передали через забор. Следующую ходку Витька предложил сделать с Женькой мне:

— Не бойся, — наставлял он. — Если че, я свистну. Бросайте и бегите.

Со страхом, дрожали руки и колени, крался к ящикам. Схватив, с замиранием духа в холодеющем сердце, ожидая свиста или окрика за спиной, улепетывал назад...

После второго удачного захода аппетиты наши разыгрались на третью вылазку. Я уже более уверенно тащил добычу к забору. Чувствовал, как в душе даже возникает некий внутренний нервный смех над собой, над братьями, над творимым...

На следующий день, намыв бутылки (Васильевы уже свои сдали), подался в продуктовый магазин, где принимали молочную посуду. Не спокойно я шел — вдруг заподозрят, начнут спрашивать: откуда столько бутылок? Конечно, можно соврать — накопилось за две недели. Обычно я сдавал две, ну три бутылки с баночкой. А тут сразу пятнадцать! Выставлял знакомой продавщице бутылки на прилавок, стучая и звеня. Горело ли у меня лицо — не скажу. Но сердце горело точно. Обнаружит, спросит — и шум в школе, позор родителям! Откуда, кажется бы, стыду взяться? Страх понятно — от наказания. Отец ничего не сказал, не спросил про бутылки. Да и мать, хоть, верно, догадалась — дело нечисто. В те времена с работы, бывало, многие прихватывали, что плохо лежало. И отец не брезговал. И у Васильевых родители. Правда, прихватывать зачастую пролетариату было нечего или не так много, как начальству. Так что мораль, которую нам втолковали в школе — не воровать, — на наших глазах не раз обходилась и близкими, и

дальними. Было нам уже не семь-восемь наивных детских лет, а по тринадцать, четырнадцать.

Отчего ж не только страх, но и стыд?! Двадцать пять лет прошло с той поры... Теперь понимаю — от образа Божьего, глубоко заложенного в нас. Еще не испорченная, не развращенная грязью человеческой жизни, молоденькая душа стыдилась, чуяла — нельзя обманывать, воровать.

С горем пополам, внутренне дрожа и пылая, дождался, когда продавец, ничего, кажется, не заметив, дала деньги за посуду. Вышел из магазина с большим чувством облегчения. Куда потратил трешку, сейчас в точности не помню. Кажется, купил того же молока, сладости. Стыд сменился лихой бравадой, гордостью — победителей не судят. И все же...

Лазили мы за посудой, по-моему, еще раз. Не сказать, что легко и просто это далось, хоть и явилось некое ухарство. И опять со стыдом, пусть чуть меньшим, нес бутылки в магазин.

Вскоре дырку в заборе обнаружили и заделали. Наверное, стали недосчитываться стеклопосуды. А быть может, и рабочие завода через нее кое-что перебрасывали. Мы с Васильевыми больше не испытывали судьбу. Но болезненное и целительное чувство стыда запомнилось. И всегда сопровождало душу, когда она вдруг решалась переступить через норму, позарившись на чужое.

ТЫ ГДЕ, ВИТЯ?

Трагедии маленьких людей

Мы росли в одном дворе. Витька был старше меня на три года. Черноволосый, темнокожий, небольшого роста, крепко сложенный, с рубчиками на лице, оставшимися от какой-то болезни. Зимой — снежные крепости, горка. Она стояла между первым и вторым домом ограды из четырех двухэтажных домов. Ледяная дорожка от нее длилась до четвертого. Деревянную горку сколачивали плотники из местного домоуправления. Высотой она выходила по окна второго этажа. Одним из зачинщиков игр на ней

в санки-пятнашки был Витька Мамонтов, оградное прозвище — Мамонтик. Голящему, он катился последним, надо стукнуть в санки уехавших, где они остановились. Тогда он уже не голя, а голя тот, кого задели. Кто уезжал далеко-далеко, к четвертому дому, кто сразу за горкой закладывал вираж, пытаясь на одном ребре полоза выскочить из ледяного накатанного желоба. Это было чревато — не выскочишь, потеряешь скорость, и голящий спокойно докатит до тебя, стукнет в задок: «Голи!» С Витькой же строили крепость из снеговых плит. Их, твердые и утопанные, выбивали лопатой на тротуаре, возили, чтобы не сломать, к горке. Знатная получалась крепость, с подземными ходами, крепкая, сражайся — не сломаешь. С утра, особенно в выходной, когда не надо в школу и делать уроки, еще не продрав как следует глаза, глядели в окно: есть ли кто на горке? Если есть, быстрее завтракай, бегом одевайся и на мороз, который нипочем, потому что радио голосом Эдуарда Хилия подзадоривает: «А из окон мороз синий-синий...».

Летом была рыбалка. Ездили на Сафроновку к отцу Витьки, дяде Пете, высокому сутуловатому мужику с черными кустистыми бровями над глубокими глазницами, большим носом и широким ртом. Он работал на обогатительной фабрике слесарем. А мы, когда он после ночной, рыбачили с ним — чтобы местные мальчишки из поселка не отобрали добычу — на озере, рядом с фабрикой...

Карась ведет хитро, потихоньку подергивая круглый пластмассовый поплавок по поверхности воды. Это не глупый голян, тот сразу тащит крючок с наживкой в глубину, поплавок стремительно тонет, только успевай, подсекай. И на лукавых карасей можно с умом, приглядкой, ожиданьем и терпением найти управу.

Вот и завтра собрались с Мамонтиком спозаранку рыбачить на озере в стороне от поселка, поэтому без дяди Пети. Я ночую у Мамонтовых. Будит нас в пять часов Витькина мать тетя Маша, небольшая, с темными волосами, которые всегда стянуты у нее шишкой на затылке. Невыносимо хочется спать. Но не в чужом же дому?! Пьем чай. И выскакиваем

на улицу. На ней стоит свежая тишина. Прохладно веет утренним июньским ветерком. Солнце еще не взошло. Тишина бьет по нервам, она так непривычна для поселка, где все время голоса людей и тарахтят машины. Но уже рассвело. И небо голубеет. Мы идем с Витькой на пути, оттуда отбывают тепловозы на Сафроновку. Они и по ночам гудят, пересвистываются и лязгают вагонами, так что слышно в домах. Возят пустые углярки на разрез, обратно груженые углем вагоны. Пути через двор от нас. Здесь пахнет железом от рельс, остро машинным маслом, пролитым с тепловозов, валяется измазанный черным мазутом обтир и старые пакли. Когда ходили купаться, по дороге собирали эти пакли, чтобы быстрее развести костер греться. Иногда, не найдя старой, кто-нибудь, шкода, выхватывал буксу с паклей из дверки над колесом вагона, с нее обильно лилась темная смазка. За буксы пришлось однажды расплатиться моему отцу. Поймал железнодорожник, когда мы выплавляли грузила из свинца от старых аккумуляторных батарей. Развели с помощью пакли огонь на бутре у нашей речки-ручейка Черемшанки за линией. Железнодорожник, подкарауливший нас, ухватил Витьку, остальные разбежались. И отвел, куда надо, обвиняя — мы-де таскали новые буксы. Мамонтика, записав фамилию, отпустили. Он, придя во двор, сказал мне:

— Бери вино на себя. Я стою на учете в милиции, могут в колонию посадить, а тебе ничего не будет.

Я взял вино, отцу на предприятие пришел штраф, что-то около восьмидесяти рублей, столько стоили двести букс. Даже если бы таскал их через день, столько б не вытащил. Отцу было неудобно на работе, а меня поставили на учет в милиции...

С Витькой на путях осмотрели составы, ища, где подцепленный тепловозом, — значит, сейчас поедет. Боясь, чтобы не заметил стрелочник, залезли в углярку и стали ждать. Прошел, стучая тупо и глухо над колесами, сцепщик, прошуршали камни насыпи от шагов. Тепловоз музыкально и протяжно свистнул, и состав дернулся, поняли по бегущей волне ударов от первого вагона. Углярка, заскрипев колесами, тронулась,

*Маша
уходит*

покатилась. Покатилось и сердце в груди от восторга и набираемой скорости...

Иногда машинист притормаживал у озер-карьеров, зная, что в составе могут быть мальчишки-рыбаки. Иначе мы начинали сигать на поворотах, где тепловоз сбавлял ход, разбивая и царапая при неудачном приземлении колени. Помочишь, если что, ранку слюной и ничего, шагаешь дальше, пусть чуть ноет и болит, до свадьбы заживет...

Озера образовались от подземных ключей. Здесь шагающими экскаваторами когда-то открытым способом добывался уголь и были нарыты огромные котлованы, заполнившиеся водой... Солнце взошло и запузывает светом. Также мы с Витькой запузываем наши удочки в светлую воду к зеленым стройным водорослям. Они, словно деревья, растут из глубины, раскрываясь веточками и листочками. Иногда цепляются за крючок, и, когда подсекаешь, бывает, вытаскиваешь не скользкого гольяна, а веточку! Но клюют гольяны утром жадно, у них настоящий жор, не один, так другой на крючке. Мелкий, будто килька. И с красными плавниками! На утреннем розовом солнце они горят ярко. Никогда больше в жизни не видел таких красноперых гольянов. Никогда больше рыбалка не была такой красивой, как слайд или цветная фотография! Но слайд и фотография не благоухают чудесно, а тут свежий дух воды, руки, пахнущие рыбой и водорослями, удилице из ошкуренной ветки с терпким запахом тополя, почерневшее, где захватили руки рыбака. И звуки — тишина, всплеск, игра гольянов на зорьке, бесшумно скольльзящие по воде жуки-плавунцы, пугаемые булькающим поплавком и свистящим удилицем, легкой тонко поющей леской.

— Шевелиськин, шевелись! — подсмеивается надо мной Мамонтик с черным загорелым лицом и белыми ногами, штанины закатаны по колено, чтобы заходить в воду. Она, кажется, теплая. И парит над ней легкий туманец. Но долго не постоишь, начинаешь зябнуть, и по телу под рубашкой бегут пупырышками мурашки. Вытаскиваешь покрасневшие ступни из придонного ила, чавкая, вы-

ходишь, чтобы надеть сандали и опустить штанины погреться. Мы бегаем вокруг озера, ища, где лучше клюет.

Возвращаемся к обеду голодные. Опять на товарняке. Подъезжая к городскому поселку, чуем чудесный аромат душистого свежееиспеченного хлеба. Им веет от находящегося неподалеку, около моста, хлебозавода. Иногда самые отчаянные успевали выпрыгнуть на ходу, поезд перед мостом притормаживал. Скатывались кубарем по насыпи, выпрашивали в проходной у окошка горячего хлеба, булку или две: «Ну, дай, тетенька!» (И тетенька давала, жалилось сердце, глядя на зашмыганных, голодных, мокрых и грязных рыбаков — у самой дома ждут такие же.) И, если повезет, запрыгнуть в конце состава. Был риск не успеть, тогда иди пешком до станции еще с полкилометра. Но кто не рискует, тот не ест горячего запашистого хлеба с золотистой хрустящей корочкой, не поглощает его жадно, словно сладкое пирожное или мороженое! Машинист, видя в задние зеркала наши проделки, наверное, ругался на чем свет стоит и клялся, что никогда больше не посадит, не подвезет этих сорванцов.

Повальные увлечения во дворе тоже начинались с Витьки. То он сделает самый лучший самокат из досок. Вместо колес разнокалиберные подшипники, списанные и принесенные отцами с фабрик и заводов. Самокаты гремят, катаясь по асфальту. И над оградой и возле нее, пока не отойдет увлечение, стоит неумолчный железный рокот. То самострел из доски для перекрытия пола, с курком из стальной проволоки, стрелой с наконечником из гвоздя, влагаемой в выточенное на деревокомбинате квадратное углубление и скользкой по нему после выстрела. Стреляли с помощью тугой резины от камеры велосипеда. Однажды, когда мы гоняли диких бездомных кошек, Мамонтик так вонзил стрелу в спину Божьей твари, что до сих пор, как вспомню, не по себе. Гонишь бездумно, а впиалась стрела, так словно в твое сердце, делается жалко кошку и душе больно. Я не попадал и в воробьев из рогатки. Метко стрелял Витька, сбивая эти живые, щебечущие в густых листьях тополя, с теплым еще пухом и пером, но уже мертвые после

выстрела, падающие с клювом в крови и потухающими закатившимися глазами комочки. Наверное, потом жизнь жестко вернула все эти попадания Витьке Мамонтову.

Или затеем игру в лапту, банки. И опять точнее Витьки никто по банкам палкой, как по городкам, не бил. И по мячу лаптушкой, вырезанной из доски наподобие разделочной кухонной, — у Мамонтика, конечно же, самая аккуратная и ловко обточенная, небольшая, под руку.

— Ну, погоди, Шевелиськин, — злился Витька, когда я, оказавшись рядом, хитро улыбаясь, хотел или попадал в Мамонтика в очерченном кругу, его доме. Отголившись, он так поддавал мяч, если я голя, что, обижая, заставлял убежать за улетающим мячиком далеко и унывать — теперь ввек не отголиться. Но Витька вскоре жалел меня и переводил игру ближе к кругу другого, чтобы в него попал мячом.

Однажды при наших частых похождениях Витька спас меня от смерти. Идем мы по поселковому стадиону. Накануне был сильный ветер. Он оборвал плохо закрепленный на деревянном столбе провод. Все прошли впереди, а я наступил. Провод вдруг ожил, подкинул меня, я упал, а он, словно удав, стал, колотя, обворачиваться вокруг тела. Собрание включилось моментально, кричу: «Ток, ток!» Все ошалело смотрят на меня, пытающегося руками сбросить с себя провод. Но не могу, бьет все тело и руки, они прыгают, как отбойный молоток. Наконец Мамонтик, старший из нас, приходит в себя и, бросаясь ко мне, дергает за руку. Его ударом тока отбрасывает к кустам акации рядом, но Витька успел уже выдернуть мое тело из провода по колени, дальше выползаю сам. Мамонтик нервно хохочет: «Вот это да, удар!», держась за большую руку, которой дергал. Должно быть, я, потрясенный происшедшим, мертвенно бледен, если все говорят, беспокоясь: «Иди скорее домой!»

На исходе поздней молодости, в начале зрелости, мне не удалось вот так же выхватить Витьку Мамонтова из удушающего обхвата.

Витька учился неплохо, особенно волок по математике и физике. После

школы поступил в училище. Я подружился с мальчишками из другого двора, когда Витька ушел служить. В армии он был сержантом, командиром отделения связи. А после у нас с ним началось отдаление, скоро призвали и меня в ряды Вооруженных сил...

Встретились, отслужив, на свадьбе у Сашки Кушнарева. Мамонтик, подгуляв, был задиристый. И на этот раз, напившись, стал выступать во дворе. Его чуть не поколотил молодой здоровый парень, завернув руку за спину. Я оттащил худого костлявого Витьку — к тому времени он уже здорово поддавал и здоровье подорвал. Обхватив за заголившийся из-под рубашки от драки живот, держал рвущегося и кричащего более трезвому здоровяку: «Ну че, иди сюда, козел...» Насилу его утихомирили.

По бутылке у него появился дружок Андрюха Русаков, тоже темноволосый и смуглый, ростом выше Мамонтика на голову. Как-то иду мимо пяточка, где сходятся все пути поселка к небольшому рыночку и магазинам. В скверике с худосочными тополями и акациями на скамейке сидят они, трезвые. У Андрюхи перебинтована рука. Рядом жена Витьки, Люба, полная и здоровая баба среднего роста, с широким лицом и носом картошкой. Раньше тоже сильно пила с Витькой, но смогла удержаться, остановилась.

Многочисленные их попойки и скандалы с драками пересказывала мне мать Витьки Мамонтова. Доходило до побоев родителей, вскрытых вен, вызовов скорой помощи. У Любы уже взрослая дочка не от Витьки. А от него — никого. Люба рассказывает, когда я присаживаюсь, о забинтованной руке:

— Вчера пили, а он ему смехом говорит, когда сало с хлебом резал: «Нож-то тупой!» Ах, тупой?! Взял и два раза провел ему по руке.

Русак и Мамонтик при этих словах только ухмыляются. Витьке на днях исполнилось 33. Я говорю:

— Возраст Христа. Взяли бы да родили еще кого.

— С ней, что ли?! — смеется Витька над женой...

Дядя Петя, постаревший, с поседевшим лицом, поседевшими и вы-

Мир прогов

цветшими бровями, он уже с трудом ходил, — столкнулись с ним около их дома, окрашенного, как и остальные три, в побуревший от времени некогда христый цвет, — просил:

— Ты бы сказал Витьке. Пьет...

— Говорил я. Да словами тут, видимо, не поможешь...

Перед этим встретились с Витькой на рыночке. Он подбежал ко мне:

— Дай пять, на пузырь не хватает.

Я дал.

— Бросал бы ты это, — увещевал. — Завязывал, — сожалел о гнущем друге. И чтобы как-то коснуться его сердца, хоть воспоминанием детства, и впрямь благодаря за спасение, добавил: — Спасибо, что тогда вытащил меня.

— А-а, — остановился на минуту Витька, в глазах его тускло-серых что-то ожило: — Я помню...

— Как мне теперь тебя вытащить?

— А, — махнул он коротко рукой. На себя, на свою жизнь?

Как-то в очередной приезд на родину иду мимо окон Мамонтовых поздно вечером. За красными плотно задернутыми шторами горит свет. И что-то влечет меня подойти к ним. Что-то необычное в этом позднем свете, праздничных шторах, за коими чувствуется пустота комнаты? Подхожу и вижу неясно сквозь красное полотно силуэт гроба в правом углу, кто-то сидит на табуретке рядом, слышу пьяный голос Витьки, вот он сам шатается, догадываюсь, над домовиной отца.

На следующий холодный февральский день дядю Петю хоронили. Он умирал долго, болезнь желудка. Не выходил из дома, не поднимался с постели. Витька не пил, ухаживая за отцом. Носил из малосемейного общежития, где жил с Любой, горячий куриный бульон, ампулы, шприцы для уколов. Дядя Петя страшно мучился и ругался...

Высоко торчат над бескровно-серым лицом изломанным козырьком знакомые родные брови. Целуют на кладбище, прощаясь, близкие. Говорят Витьке:

— Подойди попрощайся.

— Я вчера попрощался, — отворачивается он резко и грубо, с глубокого похмелья, но трезвый. Что-то в этом его отвороте угловатое, мальчишеское,

какая-то обида на происшедшее, нежелание выдавать свои чувства всем напоказ. Клацают с похмелья и от ледяного пронизывающего ветра его зубы, дрожит подбородок...

От частых пьянок у Витьки отказала нога. Он ходил и выкидывал ее как-то странно, носком вперед. В периоды запоев, когда не было работы на чулочной фабрике, вставшей от реформ, там Витька был дельным электриком, он жил у матери — Люба выгоняла. Трезвый сидел дома у телевизора, помогал неродной дочке деньгами, у той родился ребенок. Пропьет неделю, две, месяц, жена примет. Во времена загулов с матерью, тоже запивавшей, у них дома шаром покати. Выходя, он сидел на пяточке и просил пять или два рубля. Увидел меня...

— На бутылку не дам.

— Ну, дай на хлеб.

Я пошел и купил ему хлеба в магазине.

— Спасибо, — Витьке все-таки неудобно, стыдно глядеть мне в глаза, он заерзал на лавочке. — Отойду, рассчитаюсь, отдам.

— Да не надо, — махнул уже теперь рукой я.

Когда я похоронил своего отца, Витька, встретив меня на улице в начале марта — снег уже почернел от копоти топившихся углем домов, и было тепло, а свежий не выпадал, — сказал, сожалея:

— Я не знал. Помог бы...

Мать Витьки (я служил еще в армии) за незаконный аборт, от которого умерла молодая женщина, оказалась в тюрьме. И Витька с отцом возили ей передачи. До тюрьмы тетя Маша выпивала, но не то чтобы сильно, а к старости ее понесла мутная отравленная река...

Скоро до меня дошел слух — Мамонтика не стало. Зашел в его дом, стучу в квартиру с разбитой щелястой дверью, на ней навесной замок: похоже, никого. Выглянул сосед с лестницы второго этажа.

— Кого надо?

— Витьку.

— Нет его. Умер уже как месяц.

Я пошел к Любе.

— Ты же знаешь, Вовка. Когда он не пил, был мужик, работающий, ничего не

скажу. А тут запил и запил с матерью. Уже вставать не мог. Вызвали скорую, увезли в больницу. Там и помер. Из морга никто забирать не хотел. Сколько он там пролежал... Я потом привезла его сюда, в гробу. Поставили у подъезда. Даже в дом не заносили, не открывали, увезли на кладбище. А то бы захоронили как безродного...

Эх, Витя, Витя. Каково тебе там, в палящем, или нет пламени?

Витьку я любил. Не знаю почему. Должно быть, потому что он никогда меня сильно не обижал, вроде был я ему младшим братом. И в моем сердце он живет любовью, согревающим теплом. Конечно, проще любить мертвых, чем живых, тех, что рядом с тобой, с конкретными пороками, страстями, не-

достатками, которые задевают, ранят тебя ежедневно, когда и сам не святой. (А мертвые уже не мучат, хотя как сказать.) Живи рядом с Витькой, возможно, пуще Любы озлился. Но все же почему мне захотелось о нем писать? Оттого что словесник, не могу молчать? Или что-то, кто-то стучит в мое сердце? Не он ли сам? Вспомни, помолись за упокой моей грешной души.

P. S.: Тетя Маша после смерти Витьки живет с дочкой. У нее что-то сделалось с головой, говорят, Витька ее бил, поэтому дочка замыкает мать в квартире. Но иногда она успевает сбежать в незапертую дверь и ночует у соседей по бывшему дому. Какое уж ночует?! Поднимается среди ночи, ходит, ищет, спрашивает: «Где Витя?»

Надежда Ярыгина

Родилась в г. Киренске Иркутской области. В Иркутске окончила среднюю школу и художественное училище. Работала художником-декоратором, преподавателем, мастером по росписи деревянных сувениров, керамистом, флористом и т. д. Несколько лет проживала в Эстонии. Неожиданно для себя в последний год XX века начала писать стихи. Живет в Иркутске.

«МНОГО РАЗ ПЕРЕРОЖДАЯСЬ, МЫ ДОВЫРАЗИМ СЕБЯ...»

Надежда Ярыгина пишет стихи и картины. Поэтому она интересный человек. Искусство помогает не опускаться до мелочей и мыслить перспективно. Поэзия Надежды Ярыгиной полна легкой иронии, ее глубокая мысль носит почти цирковые наряды, а искусство ее еще не понято. Вообще-то на земле не понято все, но все привычно, и только художник, создающий оригинальные формы, по-настоящему показывает непонятность и непонятность этого мира.

Звездный свод, как любимая книжка,
Так зачитан, дыра на дыре.
Раскаленная хвойная шишка
Словно роза, мерцает в костре.

Вещи, создаваемые художниками, как эта шишка (недаром в музее ничего нельзя трогать руками), кажется, очевидны, но есть еще смысл, угадываемый не до конца, как ежик в тумане. В двадцатом веке изобразительное искусство пошло по этому пути: оно ликвидировало очевидность и предпочло туман, который рождается всегда, когда разум полон сомнений.

Она долго занималась аппликацией — это все были черные кошечки в интерьере, которых она дарила друзьям. При этом она думала о хрупкости гармонии, и все ее аппликации можно было объединить одним названием: «За минуту до хаоса». Тема, такая глобальная, позволяющая любые навороты, разрешалась ею удивительно просто. Может быть, люди уже устали от того, что наша планета погружена в жуткую космическую безграничность, и хотят пожить сказочно, на трех китах и с клубком шерсти в кармане?

Как поэт Надежда Ярыгина выступает последние четыре года. В библиотеке им. И. Уткина она читала стихи школьникам, показывала им свою

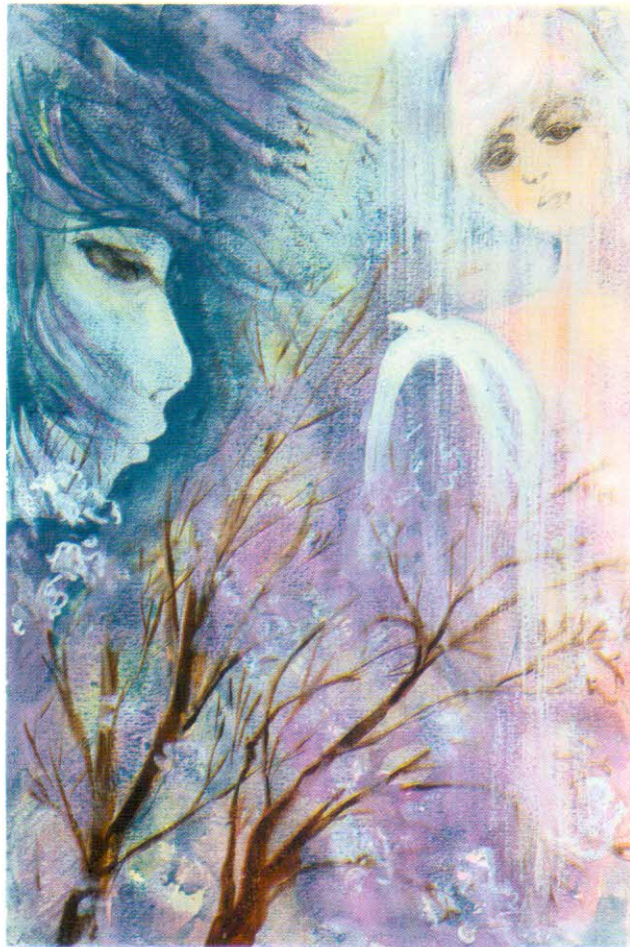
Надежда Ярыгина. «Автопортрет». Коллаж.

Надежда Ярыгина. «Самый тихий угол». Коллаж.

Надежда Ярыгина.
«Я читала японских поэтов.
Про песок, что как время,
Сквозь пальцы...»

Надежда Ярыгина. Без названия.

графику и почувствовала искренний интерес. После этого решила показать образцы своего творчества в журнале «Первоцвет»

Она — профессиональный художник, окончивший Иркутское училище искусств, где училась у Льва Борисовича Гимова, читавшего студентам книжки и показавшего, что искусство и литература всегда стоят рядом. Живопись зовет к поэзии.

Надежда Ярыгина занималась флористикой, расписывала матрешек, оформляла витрины. Теперь она тиражирует фантастические деревья Жизни. Рисует их зимой, а весна — время писать стихи. Каждое зимнее дерево, создаваемое ею кропотливо и вдумчиво в течение месяца, скрывает в себе зерна поэзии, похожие на новогодние елочные шары. Деревья эти — многообещающий склад радужного настроения. Порой их раздувает ветром, но при этом ни один волосок не падает с их головы. В них предчувствие всего того, что приносит праздник — предчувствие сладкого, веселого, сложного.

Творчество Надежды Ярыгиной представляет тот уровень культуры общения — межличностно-событийный, домашний, который и в самом деле у нас почти отсутствует.

Надежда Ярыгина говорит, что она увлекается тремя его видами — графикой, поэзией и еще искусством общения с людьми, которое заключается в том, чтобы оставаться с ними в прекрасных отношениях.

Он. Показался глуповатым,
Опустошенным и горбатым.
Она — облезлою, холодной,
Для новой страсти непригодной.
И все у них благополучно...

Рисуя зимнее дерево, украшенное африканской верой в весну, художница занимается своего рода колдовством. Ее деревья оживают при определенных условиях. Каждая ее линия — это путь к новой жизни, надо только не заплутать и пройти его в этом бурьяне на свой страх и риск.

Не печалься, дожидаясь
Искупительного дня.
Много раз перерождаясь,
Мы довыразим себя...

Надежда Ярыгина пишет очень полезные для читателей вещи. Так в Иркутске еще никто никогда не писал. Тяжелый, вымученный профессионализм сопит где-то в своем углу... Жить нужно играя, потому что иначе слишком тяжело жить.

Татьяна Ясникова
член Союза писателей России

Страна поэзии

Марина Шамсутдинова

г. Иркутск

* * *

Распадается день как безумный на право и лево,
И холодная тень в поднебесье уходит кругами,
И пока не скажу себе мысленно: жить надоело —
Остаюсь на земле, остаюсь, непутевая, с вами.

Чет и нечет крестом вышивают судьбы покрывало,
Забываю своих и зачем-то чужих почитаю.
Отложу на потом, что когда-то меня составляло,
В паутинках седых свои волосы пересчитаю.

Поменяли свой цвет безрассудства плоды золотые,
Опустеет мой сад, плоть живую заменит бумага,
Мысли нет, я и буду синюшному рада отныне,
И чернильная льет через край ядовитая влага.

За порог, за овраг, за лесной непроезжий очесок,
Где легко молодым, там седым оставаться нелепо.
Черный сдвинется мрак на прошедшее красное лето —
Перепевом пустым вам останется лишь отголосок...

* * *

Я вас отпускаю по синему морю,
Я вас отпускаю, залетные птицы,
Совсем не неволю, совсем не неволю...
Противиться можно — нельзя воротиться.

Себе наливаю горячего чаю.
Крепчайшего, терпкого, с капелькой меда.
И утро приходит, и птицу встречаю,
Нездешнюю птицу большого полета.

И дом наполняется гомоном новым,
Но в мягких объятьях все так же не спится,
И без остановок звучит бестолково:
«Противиться можно — нельзя воротиться».

* * *

Г. Т.

В крошечной тьме, у черта на куличках,
Гадаю я о жребии на спичках,
Судьбу терзаю, карты теребя:
Я не люблю или люблю тебя?

Никто с начала мира-мироздания
Не видел столь коварного создания,
Никто не строил призрачнее здания —
И рухнет все — обломками скрипя,
Я не люблю или люблю тебя?

Ломая голову, кружась под потолком,
Все мысли вздорные давно сваялись в ком,
И этим мерзким шерстяным клубком
Я околдован — я под каблуком,
Я задыхаюсь — и судьбе грубя,
Я не люблю или люблю тебя?

Татьяна Мартынова

г. Иркутск

* * *

Я давно не девчонка юная.
Отчего же так трепещу?
Словно юностью пылкой дунуло
Я слова для стихов ищу...

Я слагаю такие строчки
Что в 16 не написать.
Я неправильно ставлю точки.
Мне так много надо сказать.

Что прочитано — переплавлено.
Что продумано по ночам,
Вдруг в стихи будет снова оправлено,
От бессонницы будет качать...

Ничего, вот стихи все напишутся,
Успокоятся думы мои.
Может, кем-то они услышатся?
И не зря эти ночи и дни...

Сирена поэт

Н. Ярыгина

Наталья Камышова

лауреат областной конференции
"Молодость. Творчество. Современность"
г. Иркутск

* * *

Открывая тобой февраль,
Открываться тебе хочу,
Называя тебя, как встарь,
Словом «ладо». Добром плачу

За добро и за ясный взгляд,
За улыбки безмолвный плен,
За настройку на новый лад,
За возможности перемен.

Ладно, ладить, ладони, ладья...
Под хоругвью мы плавно плывем,
А над нами Всевышний Судья,
Только мы его Отче зовем.

Ладо, любый — какие слова!
Под их складность легко засыпать...
Муравой назовется трава,
Будет Лель тебя в сказку звать,

Невесомые длани свои
Простирая над бездною лет...
Ладо, ладить пора ладьи,
Время плыть на невидимый свет!

МНОГОТОЧИЕ

Павлу Хайруллину

Твой излюбленный знак — многоточие,
Многословный, таинственный знак.
Он дает нам увидеть воочию,
Что пустяк — далеко не пустяк,
Что порою за фразою скрыто
То, что копится жизнью всей
И, покровы сняв ложные с быта,
Предстает голой правдой своей.
Многоточие... Знак ожидания,
Размышления и тишины,
Метки выстрелов, четки страдания,
Ощущенье вины без вины.

Михаил Пихтин

лауреат областной конференции
«Молодость. Творчество. Современность»

с. Верхоленск, Качугский р-н

11 класс

* * *

Я умоюсь слезами
По краю тому и по дому,
Где когда-то так лихо
С повети гонял голубей.
Где твоими глазами
Впервые я был очарован
И бродил до утра
По просторам приленских полей.

Где-то скрипнет калитка.
За околицу выйдет сестрица.
Где-то крикнет ворона.
В полнеба зарница сверкнет.
Бог услышит молитву,
И тут же кукушка-певица
Прокукует мне долго,
Да так, что со счета собьет.

Милана

г. Усть-Илимск

* * *

В потоке восходящем
Расправив два крыла,
По воздуху парящим
Я видела орла.
Особая потреба
У птицы есть, видать,
Утюжить атлас неба,
Возвышенную гладь.
Зачем? Чтоб не помятой
В нем синева была.
Вам разве непонятно?
А я вдруг поняла.

* * *

Дело к осени, разумеется.
К оголенности наших чувств.
И в твоей любви разувериться
Не могу я и не хочу.

Над дорогами небо высится.
Самотканым ковром легла
Как искусница и бессмыслица
Осень. Много ли в ней тепла?

Много ль рыжего солнца в лужицах
И непонятых мной причуд...
Ветер волосы вздыбит по-дружески
И похлопает по плечу.

Все о нас, сумасшедших, вызнала,
Ливнем вкривь охладила кровь.
Я тебя изучаю сызнова,
Доверяя свою любовь.

* * *

Желтогривые кроны вязов
В ослепительном небе вязнут
И цепляются за облака.
Мы с тобой говорим о разном,
Мы с тобой говорим на разных
Недопонятых языках.

Мне гораздо сложнее по-женски
Языком несуразных жестов
Обозначить любой каприз.
Ты кричишь о своем. Несносен
Громкий ор в эту тихую осень...
Листья с неба слетают вниз.

О ЛЮБВИ

В рукопожатии, в объятии,
В словах чарующих, во взгляде ли
Иль в тишине полуслепой
Глубокой нежностью овеяны
Часы, короткие мгновения
У нас с тобой.
Доцени же все, чем связаны,
Скажи мне все, что недосказано,
Храни же каждый миг вдвойне.
И пусть стихи, цветы, созвездия,
Балконы, клены, дверь подъездная
Напомнят снова обо мне.
А если я чего и путаю,
Неоцененную минутою
Любовь слетит из-под небес
И промелькнет в рукопожатии
В словах, объятии, во взгляде ли
И ляжет на сердце тебе.

РОДНИК

Дни стылые пургой гонимы,
За Ангарой капризный май.
И снова мимо, мимо, мимо
Идет зима.

И кажется ненастоящей,
Но в первосозданной красе
Поет родник животворящий,
Сокрытый в ледяной корсет.

* * *

Веткой кленовой окошко мое
зарешечено.
Ветка скребет по стеклу,
будто просится в дом.
Только что горе дало мне такую
пощечину,
Даже несолнечный вторник потух
за окном.
Счастье мое терпеливое и стопудовое
Вдруг перевесилось в сторону —
горе сильней.
Горькое горе, тяжелое ты и бедовое,
Не разрастайся горбом на
крылатой спине.

* * *

А мне говорили, что мы потеряли ключи
Ото всех незапертых спален.
Что в мире, где всякий звук чист,
А цвет идеален,
Нельзя слепо верить,
Даже если цветение ярко,
в реальность заброшенных скверов,
уснувших в черемухе и боярке.
Пчела над цветами сновала,
в магическом танце весну вышивая.
Я тебя целовала.
Меня слабо увещевали.
И говорили,
что потеряли ключи
от несуществующих спален.
В одной из которых проснешься,
похожий на Солнце
и на Всевышнего
под именем вымышленным
от моего поцелуя
с ягодным привкусом,

тем, что люблю я
ты
Мир не идеален,
желанья просты.

Ольга Коробкова

г. Рыбинск, Ярославская обл.

Невыносимая легкость бытия.
Милан Кундара

* * *

Сердце бьется по-майски: как будто на гребне волны,
Возносящей меня высоко, высоко над землей,
В облака из черемухи, в музыку, грезы и сны...
Если б только не надо мне было на землю, домой!..

А волна зелена, и все выше листва, как вода...
Соловьиные свадьбы, и белая ночь на часах.
Счастье из неоткуда пришло — и уйдет в никуда.
Но останется радуга в чьих-нибудь синих глазах.

Лунатически легкое тело — почти как душа,
Потому что душа-то, конечно, на шаг впереди.
На закате весны мне воистину нечем дышать:
Слишком много любви, то ли в воздухе, то ли в груди.

* * *

...Теперь там осень. Тихо жухнут травы.
Озера меркнут. Берегов оправы
Все драгоценней золотом горят...
И видит их лишь мысленный мой взгляд.

Но там и есть все так, а не иначе.
На кручах, у дорог, пустеют дачи:
Зачем им осень и печаль озер,
И строгость гор, и неземной простор...

Там небо — словно парус, но из шелка,
А скромный путник — как в скирде иголка...
Какой покой. Какая глубина.
И громче ветра — только тишина.

Так вот она — осенняя природа:

Н. Ярыгина

Мечтательность, бесцельность и свобода.
Трава пружинит, и пропал мой след.
Рябиновый в горах, закатный свет.

* * *

Похороны последней надежды.
Черные скрипки Альбинони...
Ветер треплет края одежды.
Я одна на балконе.

Все спокойно — и все бесцельно,
Кроме печали Альбинони.
Я одна. И болит смертельно
Линия жизни на ладони...

* * *

Я останавливаю сердце,
раз в нем остановилось время,
раз тело — это только бремя,
а если есть еще душа?..

Я останавливаю сердце,
но я не Гарри, не Гудини.
Земная смерть — на половине,
и на поминки ни гроша.

Я останавливаю сердце,
ему нет смысла биться дальше,
раз в музыке так много фальши —
пусть будет просто тишина.

Я останавливаю сердце,
я так стараюсь, но напрасно,
и сердце выстучит: все ясно —
побеждена, побеждена.

Оно идет — хоть мимо цели, —
и гонит кровь — хоть не согреться...
Так, лежа на пустой постели,
я останавливаю сердце...

Валерий Панов

Братский р-н, Илирская школа № 2, 11 класс

КОНЕЦ ИГРЫ

Идет к концу цивилизация.
Машина — общий наш кумир.
В эпоху компьютеризации
Как в стену лбом пробился мир.
Заменены умы на чипы,
И микросхемы в головах,
Мы, как недвижимые полипы,
Сидим в огромных городах.
Глаза прилипли к монитору,
И сердце бешено стучит:
Не путеводную Аврору —
Мы ищем от дверей ключи.
Ведь цель игры у нас такая:
Искать ключи в ворота рая.
И мы проходим через ад,
Вкушая страсть, вдыхая смрад.
Ища заветную мечту,
Перегораем на лету.
Кипя душой в большом котле,
Летая ночью на метле,
Мы негодуем: почему
Ключ не достался никому.
А время наше на исходе:
Сейчас мы воем на луну,
На помрачневшем небосводе
Мы видим лишь ее одну.
Когда угаснет и она,
Поймем мы: сеть отключена...

Сергей Архипенко

лауреат областной конференции
“Молодость. Творчество. Современность”
г. Иркутск

ЧИСТАЯ ИГРА

Фантастический рассказ

Пол Стивенсон довольно поежился, предвкушая удачу. Да, ему крупно повезло. Какой-то очкарик, коммерческий агент, продал ему только что довольно крупный астероид с практически неразработанными недрами. И продал он этот громадный кусок пирога за слишком мизерную цену. После того как рука нового владельца оставила на акте купли-продажи свою подпись, Пол ехидно рассмеялся.

— Вы только что сделали крупную ошибку, — деловито пропел Пол, глядя коммерческому агенту прямо в лицо. На что тот вяло улыбнулся, бросив слеповатый взгляд поверх очков.

— Вы так уверены, Пол Стивенсон?

— Да. По крайней мере, даже идиот запросил бы за такое местечко раз в двадцать больше той суммы, которую назначили вы!

Коммерческий агент сухо рассмеялся. Похоже, он и не собирался считать меня идиотом.

— Вы из глубинки?

Пол Стивенсон обиделся.

— Ну, с Меркурия...

Коммерческий агент наморщил свой высокий лоб.

— А... В этом все ваши проблемы. Меркурий... Говорят, когда-то эта планета имела приличный запас высоко насыщенных руд. А сейчас выдает в объединение звездных систем целых четыре процента всей вырабатываемой объединением энергии. Этим, увы, и живет.

— А мне плевать на то, что ты говоришь.

— Простите, я не хотел вас обидеть. Просто из-за определенных экономических причин Меркурий оказался как бы не у дела. Глубинка. Недостаточно опе-

ративный обмен информацией. Скажу откровенно... Это вы, мистер, сделали серьезную ошибку, вложив свои средства, вероятно нажитые честным трудом, в этот злополучный астероид.

Пол Стивенсон досадно проглотил колючий ком, застрявший в горле.

— В чем же дело? Я не могу понять, — Полу такой оборот дела уже не нравился.

— В некоторых особенностях этого астероида.

— Некоторых особенностях?

Коммерческий агент снял очки и, аккуратно спрятав их в пенал, положил на стол.

— Говорят, — бесстрастно начал коммерческий агент, — на этом злополучном астероиде происходят совершенно невероятные вещи. Есть версия, что под воздействием некоего вещества, содержащегося в породе злополучной небесной скалы, у человека появляются галлюцинации... В общем, всегда получается так, что владельца астероида доставляют в госпиталь с очень серьезным психическим расстройством. Попросту говоря, сошедшего с ума. Зарегистрированы случаи самоубийств и гибели от сумасшествия. Косвенно, конечно...

— Тогда какого черта вы мне продали этот проклятый обломок скалы? Давайте порвем контракт!

Агент сухо засмеялся. В этот момент он напомнил Полу его учителя математики, с неизменной улыбкой выдававшего подзатыльники своим ученикам. Мерзкая рожа, да и только.

— В контракте есть небольшой пункт... И вы об этом знаете. В случае его преждевременного расторжения вы

теряете девяносто процентов вложенной суммы.

— А вот тебе! — Пол сунул под остренький, длинный, похожий на огурец нос агента кукиш, — ты очень на это рассчитывал. И запомни, я буду не я, если не выжму из этого астероида все, на что он способен, даже сверх того. Я продам место, на котором он находится... Понял?

Агент вновь пожал плечами.

Пол долго не мог прийти в себя. Еще минуту назад у него было прекрасное настроение. Он был готов на многое. Но теперь... После того, что произошло... По своей особенности он зашел в бар и взял двойной коньяк.

Коньяк острой струйкой изливался из трубочки прямо на язык Пола, немного успокаивая его и приводя с каждым глотком в обычное расположение духа.

Голос, прозвучавший над головой, буквально ошеломил Стивенсона.

— Мистер, вы только что купили «Чертово колено»?

— Ч... что? — с трудом произнес Пол, оборачиваясь на крутящемся стуле.

Перед ним стояла довольно симпатичная девушка в просторном спортивном комбинезоне.

— Вы не так давно вложили кучу денег за «Чертово колено»?

Пол начал соображать.

— Астероид, что ли?

— Ну да, — улыбнулась незнакомка, и от этой улыбки мир буквально преобразился.

«Хороша, зараза, девка!» — подумал Пол, допивая коньяк.

— А тебе-то какое дело? — вслух произнес он и поморщился.

— Возьми меня с собой.

— Тебя? — Пол развеселился. На душе все еще было противно, но уже весело.

— Ну, а что ты умеешь?

— Я умею все...

— Например, наладка МП-248?

— Конечно, — не задумываясь, ответила незнакомка.

— А что это такое? — Пол расхохотался. МП-248 вообще не существовало, и это он знал наверняка.

Девушка смутилась.

— А какая разница? — она деловито

прищурилась. — Я же говорю, все умею, все могу.

— Какого черта ты ко мне привязалась? Мало, что ли, астероидов продается?

— Мало, — нагло заявила она, — очень мало таких, которые подходят мне.

— Чем же «Чертово колено» тебе приглянулось?

— Один владелец. Громадный, практически не разработанный кусок космической скалы, сулящий колоссальную прибыль. Я согласна и на пять процентов от прибыли.

— За что? — не унимался Пол. — Может, я его не собираюсь ковырять. Может, я там жить собираюсь. Зароюсь в недра и буду спокойно порхать при мизерной силе тяжести, превращаясь в мешок с жиром. Пока не сдохну.

— Да перестань, — фыркнула незнакомка. — У тебя же на роже написано — выжму из астероида все до последнего грамма полезной фракции, а затем продам и пустую в качестве балласта на стратостаты Венеры.

— Написано? — Пол подозрительно покосился на зеркальную стенку бара. Лицо у него было чистым. — Да все ты... Ни черта там не написано!

Незнакомка звонко рассмеялась.

Пол заметил, что многие уже стали оглядываться. Бар ему как-то вдруг показался неуютным. Оплывшие грубые лица, тесаные железные кулаки, и самое главное — все они в дурном настроении.

— Ну, договорились?

Пол тяжело вздохнул.

— Сама напросилась. Пошли отсюда, да поскорее...

Они вышли под тяжелыми взглядами завсегдатаев бара и просто временных неудачников, после чего поспешили в космопорт.

Космошхуна Пола стояла на пирсе, готовая к отправке.

Выглядела она, конечно, не очень, зато имела отличные характеристики плюс новый синхронизирующий контур и десяток дополнительных антенн, лично вмонтированных Полом, заметно расширивших диапазон трансперемещения.

— И на этой развалине ты собира-

ешься преодолеть почти три парсека? — незнакомка была шокирована.

— Не нравится — ворота порта всегда открыты! — Пол даже обиделся. — Напросилась...

— Да ладно... Помолчи, — она не спеша обошла космошхуну и печально вздохнула. — А где оборудование?

— Уже на месте. Часть осталась от прежних хозяев, остальное я отправил контейнером.

— Все с тобой ясно. Однако я без орудий труда не обойдусь. Придется принять на борт твоей колымаги некоторый груз.

Некоторый груз, повинувшись указанию дистанционного пульта своей хозяйки, появился в воротах порта практически немедленно. От одного вида его Полу стало не по себе.

— Послушай, я, кажется, передумал. Я и один неплохо поработаю, тем более что пять процентов, согласитесь, слишком большая цена... Да и к тому же ты ведь женщина... А у мужчины, если рядом женщина, всегда возникают левые мысли.

Робот дружески поднял Пола над кораблем, аккуратно придерживая его за бедра, затем осторожно поставил на место.

— Ты все еще сомневаешься в том, что я буду тебе полезна? — она улыбнулась своей обезоруживающей улыбкой.

— Ну ладно, уговорила... — Пол покосился на робота и тяжело вздохнул. Астероид оказался просто громадным. Пол и мечтать о таком даже не пробовал. Целая маленькая планетка, испещренная кратерами и зияющая глубокими провалами, трещинами. Сириус освещал его одну сторону, и он казался самой громадной звездой, в тридцать шестую часть земного Солнца.

И какой-то час назад Пол мог отказаться от такого лакомого куска из-за какого-то бреда коммерческого агента.

Пол Стивенсон довольно улыбнулся.

— Мне нравится эта замершая глыба, — деловито заявила спутница Пола. — Похоже, из нее можно выжать порядочную сумму. И ты, по идее, останешься доволен. А еще лучше...

Пол вдруг обернулся к незнакомке и заглянул в ее глубокие черные, полные

печали, глаза. Глаза, такие подходящие для любви и неподходящие для работы на малых планетах.

— А почему бы тебе не найти себе богатенького женишка?

— А вот это уже не твои проблемы, — недовольно надула губки, созданные для пламенных поцелуев, компаньонка.

— Ладно, ладно... — Пол отвернулся, — так что ты там говорила насчет астероида?

— А лучше бы сделать здесь шикарнейший курорт. Представляешь... Холодный загар. Легкий морозец. А лучше — прохладный ветерок. Холодные вина, мороженое, студни, желе... Я бы предпочла клубничные...

— Как все сластены... — вставил Пол и услышал позади неодобрительный скрип металла.

— ...иней, льдинки... холодные аттракционы. И все в этом роде...

— Да, мне уже стало не по себе. Холодно... К черту твой холод! И туда же этот могильный свет Сириуса. Выжму из этой скалы все соки, смотаюсь куда-нибудь на Альтаир или на Бегу, или же еще подальше на дикие планеты Альдебарана!

— Своим ходом? Туда же не проложены транспозиционные магистрали!

— А плевать. На субсветовом режиме. Не состарюсь. Будь спокойна!

— Кстати, мы же не знакомы, — заметила напарница и рассмеялась. — Я же знаю о тебе гораздо больше. Кроме имени...

— Пол Стивенсон, — представился Пол, причаливая космошхуну к астероиду. Туда, где на поверхности виднелись какие-то металлические фермы и никелированные цистерны, мятые, наваленные друг на дружку, словно недавно их демонтировали. Там же виднелась и крохотная посадочная площадка.

— Очень приятно. А меня зовут Мари Питчер. Можно просто — Мари.

— Или — ягодка, — усмехнулся Пол.

— А ты в таком случае — навозная кучка.

— Навозная кучка? — переспросил Пол, он понятия не имел, что это такое, потому как был далек от сельского хозяйства, но все равно эта фраза ему не понравилась.

Мари Питчер

— Навозная кучка, — подтвердила Мари.

Космошхуна коснулась металлической поверхности посадочной площадки и «замерзла», вцепившись в нее своими магнитными подушками.

— Вот мы и дома, Мари. Выгружай свой груз. Только оставь его, пожалуйста, на поверхности. Да и скафандр не забудь надеть. За бортом почти вакуум и температура, близкая к абсолютному нулю.

Мари согласно кивнула. Грациозно прошествовала в единственную каюту, дабы облачиться в скафандр.

У Пола Стивенсона оказалось некоторое свободное время, чтобы взвесить все происходящее.

С одной стороны, появление Мари чем-то скрасит однотонный труд, но с другой стороны... Из головы не выходили слова коммерческого агента. Наличие на «Чертовом колене» чего-то особенного ставило под угрозу не только сознание самого владельца, но и крошечное создание, по воле судьбы появившееся рядом. Это было неприятно.

За спиной послышались шаги. Пол обернулся и чуть не умер от смеха. Извиваясь при каждом шаге и взметая вверх, угловато ковыляла Мари, используя электромагнитные присоски.

— Вот это чудо...

— Я на тебя посмотрю, — обиженно заметила Мари из глубины скафандра.

Забрало было открыто, и оттуда выглядывало симпатичное личико астронавта, оно морщилось от неудобства и покусывало нижнюю губу.

— А вот тебе известно, что «Чертово колено» пользуется дурной славой?

— Все в порядке, — успокоила Мари, — неужели и ты веришь в этот бред?

— Нет, конечно... Но все равно неприятно.

— Пойдем и проверим... — Пол решительно кивнул.

— А, плевать!

Едва пройдя переходные шлюзы, Пол понял, что без работа Мари не обойтись. Всюду царил полный беспорядок. Виднелись пробитые трубы, из которых капал жидкий гелий, кислород и свисали кристаллы замерзшей воды. Стены

покрывал толстый слой инея. В астероиде было холодно и неудобно.

— Похоже, для начала надо пустить твоего громилу привести все в порядок. Ну, а пока он займется этим, мы даром время терять не станем. Исследуем поверхность астероида. Найдем контейнер с оборудованием.

Мари беззвучно согласилась.

Первый месяц прошел незаметно. Мари оказалась прелестной девушкой с широким кругом знаний и отлично понимала толк в хорошей пище, а ее железный громила порой казался незамеченным. Астероид принял надлежащий вид. Во внутренних тоннелях и шахтах стало светло и тепло. Можно было, хотя и с трудом, дышать.

Колонисты сидели в просторной комнате, вырубленной прямо в породе, залитой пластиком и уютно обставленной. Сидели и отмечали месяц благополучной работы.

— Знаешь, Мари, это даже здорово, что ты навязалась. Не представляю, что бы я делал без тебя. Как ни печально сознавать, но дела мои шли бы не так гладко. Я думаю, ты не станешь возражать, если добавлю тебе еще пять процентов.

Мари открыла бутылку шампанского и тихонько рассмеялась. Она была не против.

— С завтрашнего утра мы серьезно возьмемся за переработку породы. Как показали анализы, наша скала имеет приличный запас серебра, золота, ванадия и титана. Вот жаль только железа маловато. В общем, завтра и начнем... «Крот» с нетерпением дожидается своего часа.

Пол бросил взгляд на напарницу и расплылся в умилении.

— Мари, мне кажется, говорить с тобой об астероиде не совсем правильно. Мари потягивала шампанское из грушевидного бокала и надкусывала румяное яблоко. В комнате здорово пахло вином, яблоками и мягкими приятными духами. Мари, продолжая улыбаться, посмотрела в глаза Пола и поставила бокал на стол.

— Может быть. Дела на астероиде меня тоже интересуют, — нежно пропела она, — хотя твои чувства меня интересуют еще больше.

— А серьезно, зачем ты забралась в эту дыру?

— Конечно, не из-за тебя. Просто решила стать самостоятельной и ни от кого не зависеть. А самый верный способ получить капитал, как мне кажется, — участвовать в разработке малой планеты. Я, если хочешь знать, полгода выбирала себе астероид. Либо получалось, выпадал совершенно голый кусок породы, и уж туда-то меня не тянуло, либо подбиралась команда, которой лишние едоки не нужны. И вот «Чертово колено». Один владелец, да еще из глубинки. Вот тут-то я и заторопилась. Астероид, надо сказать, богатейший. Даже процент от прибыли и то обеспечит десятки лет безбедного существования на какой-нибудь курортной планетке. А все эти сплетни и страхи ничем не обоснованы. Если и сходили с ума здесь, то только по одной причине. По причине, от которой сходят с ума и в других местах. От чрезмерного употребления спиртного...

Внезапно Мари перебил жуткий грохот, донесшийся из глубины тоннелей. Пол недовольно поморщился. Похоже, потянуло чертовщиной.

— Пойду посмотрю. Похоже на смещение пород, — коротко бросил он, поднявшись с кресла и натягивая легкий скафандр.

Вопреки скверным предчувствиям, манометры показывали нормальное давление. Пол направился вглубь туннеля, на всякий случай прихватив с собой электродуговой резак. А перед глазами вырос коммерческий агент со своей умильной улыбкой.

— Да ничего особенного, — успокоил сам себя Пол, — итак все шло слишком гладко. Ни одной серьезной разгерметизации...

В конце туннеля возвышалась стальная громада «Крота», поблескивающая новенькими хромированными щетками. На этом месте разработки прежних хозяев астероида заканчивались. Далее шла монолитная порода.

Пол подозрительно оглядел оконечность туннеля, пневмопроводы, смонтированные им для доставки породы в цеха переработки, и пожал плечами. Все выглядело вполне нормально.

— Странно... — сказал он сам себе и тут же услышал встревоженный голос Мари в динамике радиоприемника.

— Что-то случилось?

— Да нет. Все нормально. Нигде ни трещинки. Полная ерунда. Может, глубокий раскол?

Что-то вновь громыхнуло, совсем рядом, словно за стеной нетронутой породы. Пол невольно вздрогнул.

— Бахнуло.

— Слышу, — отозвалась Мари. — А где, конкретно?

Пол помедлил. Затем забрался на «Крота» и втиснулся через узкую дверь в просторную кабину.

— Похоже, за стеной. Ну-ка запусти систему. Посмотрим, что там за чудеса...

Ждать пришлось несколько минут. Пол подключил «Крота» к блоку питания и ожидал команды.

— Готов, — ответила Мари, но тут же добавила: — А может, не стоит?

— Конечно. Пусть эта глубинная трещина расколется астероид надвое. И как раз в тот момент, когда мы будем видеть седьмые сны.

Лазерные резак «Крота» натужно загудели, и в пневмопровод пошел поток руды. «Крот» дернулся и медленно пополз вперед, врезаясь в породу.

— Ничего? — нетерпеливо спросила Мари.

— Ничего, — ответил Пол, и в этот самый момент «Крот» резко дернулся и, проломив стенку породы, вылетел в пустоту. Прожектор вырвал гладкие своды перпендикулярно проложенного туннеля. — Вот это номер! — воскликнул Пол.

— Что?

Пол пришел в себя и отключил машину, порывавшуюся врезаться в противоположную стену.

— Здесь перпендикулярный туннель, — заявил Пол, покидая «Крота» и направляя прожектор вглубь туннеля. — Астероид с сюрпризом. Позже этот туннель идет параллельно поверхности и опоясывает весь астероид. Свообразный гигантский пустотелый тор. Да, он несколько странноватый...

Стены были абсолютно зеркальными. Луч прожектора причудливо играл в зеркалах, уходя в неведомую глубину.

Пол взглянул на манометр, размещенный у него на рукаве скафандра.

— Да здесь и давление чуть повыше, чем наше.

Мир природы

— Инопланетная цивилизация? — предположила Мари.

— Похоже, но я не уверен. Человек вполне способен создать подобное. Но зачем это скрывать?

— Значит здесь действительно не все гладко?

Пол покачал головой.

— Пройдусь по туннелю.

— Я бы не советовала.

— Даладнo тебе... Всеодно, рано или поздно надо будет этим заниматься.

Коридор тянулся безгранично далеко, очевидно опоясывая всю малую планету.

Предположения оказались верны. На некотором расстоянии от пролома Пол обнаружил пересечение туннеля с перпендикулярным ему, уходящим к центру астероида. Новый туннель был коротким и служил перемычкой между двумя туннелями, шедшими параллельно.

— Здесь еще один, на глубине нескольких метров. И оба связаны перемычкой.

— Возвращайся, Пол, — почти приказала Мари. — Еще неизвестно, что бродит в этих туннелях. Кстати, какой там газ?

Пол покосился на анализатор атмосферы.

— Примерно походит на воздух. Инертных примесей значительно больше, а вот кислорода поменьше. Дышать, в общем, можно. А вот вирусы и бактерии отсутствуют. Похоже, эта штуковина работает в режиме автоклава...

— Возвращайся, — настаивала Мари. — Робот выполнит всю работу, связанную с малейшим риском.

— Возвращаюсь, — успокоил свою напарницу Пол и повернул в обратном направлении.

Что-то серьезно изменилось в облике туннеля. Пол даже не сразу понял, что именно, а когда понял, окаменел от негодования и страха, пришедшего неизвестно из каких глубин подсознания. Стены туннеля были плотно покрыты плесенью и потеряли свою зеркальность.

— Что за ерунда! — выругался Пол. — Какая-то плесень!

— Плесень?

— Ну да, плесень... — Пол, недоуме-

вая, протер перчаткой скафандра стенку туннеля. На перчатке осталась кровавая печать. словно он основательно поранил руку. Однако боли не было.

— Мари, немедленно покинь астероид и герметизируй корабль. Что-то неладное творится. И даже не от шампанского или коньяка... Повевало чем-то дрянным.

Пол еще больше убедился в своих подозрениях, обнаружив на «Кро́те» приличный слой ярко-фиолетовых растений. Они жадно впились в металл, и панцири машины предательски таяли под их натиском.

— Вижу форму жизни, пожирающую металлические предохранительные щитки «Крота».

Из глубины коридора донесся звериный рык. Пол поспешно обернулся, держа наготове электродуговой резак, и обомлел. Прямо на него шло громадное волосатое существо с рогами и звериным оскалом, чем-то отдаленно напоминающее обезьяну. Пол попытался, включив на всякий случай резак. Вспыхнувшая дуга несколько ослабила пыл неведомого существа. Пол воспользовался заминкой и поспешно выскочил из туннеля.

— Мари, ты меня слышишь?

— Отлично слышу. Я уже на борту корабля, — отозвалась Мари.

— Я иду к тебе. Приготовь полную систему очистки. Первая степень опасности.

— Ты что, тронулся?

— Выполняй приказ, — сурово повысил голос Пол. — Или я вообще не поднимусь на корабль!

Мари покорно подчинилась.

Пол перевел дыхание, лишь опустившись в свое пилотское кресло.

— А теперь давай все взвесим.

Мари села за пульт сообщения с центральным компьютером корабля.

— Что ты собираешься сделать? — поинтересовался Пол, похолодев от страшной догадки. — Сообщить о моем сумасшествии?

— Нет, — отмахнулась Мари, — просто запросила информацию о прежних владельцах астероида. Следовало, конечно, этим заняться немного раньше.

— М-да, — процедил Пол.

— Итак, — глазки Мари лихорадочно заблестели, — один из сошедших с ума утверждал, будто его преследовало громадное чудовище, нечто вроде доисторического ящера. Другой заявил, что ему откусили голову. Он и по сей день убежден, что находится на том свете. Некий Мартин Поньон заявил, что его пожирает плесень. Иные, и их большинство, уверяют всех в том, что астероид кишит червями, которые нападают на людей и вгрызаются в их тела. И так далее... И все это происходило при прокладке туннеля и выработке полезных ископаемых. При проверке же экспертами на астероиде ничего не обнаружено. Ни плесени, ни червяков, а тем более монстров.

— Галлюцинации? У меня на этот счет есть особое мнение. Все увиденное мной не является галлюцинациям, это я могу сказать однозначно. Ну а дальше...

Пол остался доволен. Более того, он немедленно направил свой корабль на Марс, дабы поскорее покончить с этим делом.

Коммерческий агент честно надувал очередного клиента, когда к нему в кабинет ворвался Пол Стивенсон.

— Извините, — улыбаясь, произнес он, — мне необходимо немедленно поговорить с вами!

Коммерческий агент отложил в сторону неподписанный контракт и вежливо попросил клиента, сидевшего у него второй час, временно размяться, не более чем на пятнадцать минут. Клиент не возражал.

— Итак, мистер Пол Стивенсон, я вас слушаю, — сухо начал он. — Вы решили расторгнуть контракт?

— Пожалуй...

Коммерческий агент довольно улыбнулся, вынимая из сейфа контракт.

— Я так и знал, мистер Пол Стивенсон, что здравый смысл возьмет верх и вы не станете кусать себе локти на мистическом астероиде... расторжение контракта...

— Как раз наоборот, — перебил его Пол.

— Что? — не понял коммерческий агент, и его очки заметно запотели.

— Я собираюсь продлить срок действия контракта на три сотни лет.

— На три сотни лет? — коммерческий агент невольно опустил в кресле. — Вы в своем уме? Или вы все же побывали на этом астероиде?

— И то и другое, — Пол не спеша достал заключение психолога о нормальном состоянии здоровья.

— Но...

— Психолог посоветовал немного отдохнуть. Он, признаться, был крайне удивлен моему визиту. И вы, похоже, не меньше.

— Но... мистер Пол Стивенсон...

— Итак, продлим контракт? В контракте это предусмотрено. «По желанию владельца астероид №... переходит на срок в три сотни лет в личное пользование мистера Пола Стивенсона с доплатой в...».

— Контракт для меня святое дело, — пришел в себя коммерческий агент. — Вы фирме принесете определенную прибыль. Я даже, признаться, рад вашему желанию.

— Тем лучше.

Когда дело было сделано, печать фирмы опустилась на контракт, а затем листок контракта исчез в сейфе коммерческого агента, а другой в кармане Пола Стивенсона, он деловито потер руки.

— Вот и отлично! Но...

— Очень просто. Оказалось, что порода «Чертова колена» не обычный кусок материи, каких много во Вселенной, а имеет определенную структуру. Она наделена информацией и время от времени ее воспроизводит. Как оказалось, в глубине астероида находится тоннель, элемент воспроизводства информации. Он-то и способствует появлению оптических видений и даже реальных ощущений. Вся информация была заложена какой-то иной цивилизацией и предназначалась, очевидно, как элемент аттракциона. Своеобразное увеселительное предприятие. Откуда и как оно попало на Сириус, это еще предстоит выяснить, но пока я создал там свой увеселительный центр. Холодный курорт, первоклассный отель с выходом в лабиринты генератора страха. Думаю, скоро мое заведение, «Чертово колено», станет весьма популярным. Желаю и вам посетить мистический астероид. Для вас — пятнадцатипроцентная скидка!

Мир ираден

Коммерческий агент вежливо пожал широкую руку Пола и чуть пригнулся над креслом.

— Спасибо, конечно, но не стоит беспокоиться.

Пол деловито рассмеялся.

— Да, может, вы не в курсе, но я жеманюсь.

— В таком случае, — коммерческий

агент повеселел, — я обязательно нанесу вам визит.

— Надеюсь, вы не сожалеете, что проиграли?

— Проиграл? — коммерческий агент удивленно поднял брови. — Запомните, мистер Пол Стивенсон, Луи Питчер никогда не проигрывает. Вы женитесь на моей дочери!

Воспитание

1

Вода в лесном озерке чистая, прозрачная и прохладная, в ней купают свои бутоны гигантские цветы, в глубине слабо мерцают фосфорическими огоньками водоросли. Тишина. Дикие птички не нарушают этой тишины. Они словно застыли на сочных ветвях, и только слышно, как журчит ручеек, вытекающий из озерка.

Человек скинул одежду, осторожной поступью вошел в воду, окунул обнаженное тело и, постояв над водой, оттолкнулся от берега и поплыл, едва касаясь раскрытых лепестков.

Вдоволь насладившись купанием и, конечно, замерзнув, он выбрался на один из цветков, удобно расположился в чаше, подставив свое тело лучам голубой звезды.

Пробираясь сквозь плотную атмосферу, лучи значительно ослабевали, и к поверхности планеты шел ровный, призрачно-голубой свет. Здесь они уже не жгли, а лишь приятно золотили кожу неземным загаром.

— Скапа... — Кричать было лишне в этой тишине, и все же парень крикнул: — Сколько можно сидеть в ледяной «ванне»?.. Плыви сюда скорее! Плыви ко мне, моя крошка!

Скапа нехотя открыла глаза с пушистыми ресницами и посмотрела на кричавшего парня.

— Румар, перестань орать, оглохнуть можно, — ее голос был красив, спокоен, бархатист и не вызывал ничего, кроме восхищения.

Девушка повела плечом. Румар, конечно, не мог видеть ее, она была скры-

та от его взора пышным бутоном, зато Скапа видела парня отлично. Он стоял на самом берегу озерка, широко расставив ноги, деловито опершись на приклад дистанционного дематериализатора. Он был просто красив. Светлые локоны вьющихся волос придерживала золотистая лента, а на волевом лице рукою судьбы было написано благородство. Румар мрачно разглядывал заросли, пытаясь там обнаружить свою принцессу.

— Ну, ты что, так и будешь прятаться от меня? — спокойно спросил он, наверхняя зная, что Скапа его слышит.

— Да.

— Не понял... — Он уже ориентировался на голос и примерно определил тот бутон, в котором в полудреме развалилась девушка.

— Я же... Вся моя одежда осталась на берегу.

— Ясно. Не смотрю. — Он отвернулся.

Скапа скользнула в воду с цветка и тихонько подплыла к Румару.

Румар молча стоял спиной к озеру и горделиво смотрел на огромный голубой диск спутника, который неплохо был виден и днем.

Скапа, улыбаясь, тщательно растирала тело ароматным полотенцем, от запаха которого Румара уже тошнило, но он не подавал вида.

Наконец, убедившись, что все тело абсолютно сухое, Скапа накинула на плечи легкое алое платье.

— Все, — сообщила она.

Румар молча пошел прочь от озера, даже не оглянувшись.

— Румар... — встревожилась девушка. — Подожди!

— Мне некогда. Извини.

— Румар, я тебя обидела?

Румар не ответил, он просто сел в гравиталет и, не дожидаясь Скапы, взлетел. Настроение у него было испорчено. И не кем-нибудь, а человеком, которого он больше всего любит. Румар отлично понимал, Скапа играет именно на этом чувстве. Но теперь, он решил точно, следовало проучить эту игруню. Хотя... за что было винить Скапу? Она ничего не воспринимала серьезно. Она привыкла играть. Ее приучили играть. Румар даже разозлился на себя, но возвращаться не стал. Иначе Скапа совсем села бы ему на шею. Да она и не обидится. За то, что Румар сделал для нее, она просто не имеет права обижаться.

— Локсод, — Румар включил блок связи, — Скапа ничего не понимает. Она играет со мной, считает меня своей куклой... или что-то вроде этого.

Локсод даже на экране выглядел измученным. Седые короткие волосы, иссеченное морщинами лицо.

— А, это ты, Румар... Скапа осталась на озере?

— Да, я ее там оставил. Представляешь, я стоял навтыжку, пока она за моей спиной в совершенно нагом виде не вытерлась досуха этим эфирным полотенцем, от запаха которого меня тошнит. И она это прекрасно знает.

Локсод рассмеялся.

— Тебя может понять любой мужчина, но только не Скапа. Она и представить себе не может, как нелегко было устоять тебе на одном месте, да еще и спиной к ней... Ладно, ты не дуйся на мою дочь.

— Да... да она просто играет со мной!

— Я тебя понимаю. Могу посоветовать...

Румар поежился в кресле, по своему обыкновению свел брови к переносице.

— Жду совета.

Когда Локсод улыбался, он словно на пять лет становился моложе, что в его возрасте играло немаловажную роль.

— Совет один. Возьми Скапу на Ланэрд.

Румар побледнел.

— Да ты что! Не знаешь, сколько

оттуда возвращаются? Я и сам-то за себя там не отвечаю, в любую минуту... да что там — минуту, каждое мгновение тебя могут сожрать! Я — специалист. Я уже три года на Ланэрде провел... А Скапа... Она ведь решит, что и это игра! А там играют с собственной жизнью!

— Успокойся, Румар. Вот и нужно разрушить ее представление, что мир — это только игра. Думаю, даже месяц на Ланэрде пойдет ей на пользу. Послушайся совета старика. Ты ведь сам ее нежишь. Вот даже от такого предложения категорически отказываешься. А ведь с вами работают и девчата, Рунчи, например.

— Рунчи и Скапа отличаются как небо от земли. Рунчи — это Рунчи!

— А думаешь, она не была такой, как Скапа?

Румар задумался. Локсод давил своим авторитетом, говорил с интонацией, и даже очень убедительно.

— Но только на один день, — наконец выдавил он из себя, протестуя всем своим вторым «Я».

Локсод блаженно откинулся на спинку кресла.

— Вот и поговорили. А теперь вернись на озеро, возьми Скапу, а ей скажи, что это я тебя отправил назад. И смотри у меня! — Локсод погрозил пальцем, страшая Румара, как шаловливого ребенка.

Сделав крутую петлю, гравиталет развернулся и лег на обратный курс.

Скапа по-детски хныкала в густой траве, вытирая слезы маленькими кулачками, и столько в ней было обаяния и какой-то приветливой наивности, что Румар даже не пытался скрыть улыбку.

— Скапа, моя малюсенькая... Что ты поливаешь травку своими слезинками... Иди, глупенькая, ко мне... Я тебя пожалею...

Слезы еще текли по щекам, а девушка уже робко улыбалась.

Румар обнял ее за плечи, прижал к себе и осторожно погладил по пышным волосам.

— Глупенькая, думала, я бросил тебя...

— Да... Ты больше не злишься на меня?

— Твоя самая большая игрушка никогда больше не будет злиться.

Мир иродов

— Правда? — В глазах блеснуло восхищение, она ликовала. — Правда?.. Никогда, никогда!

Румар нежно поцеловал ее в щеку и уткнулся лицом в душистые волосы.

— Пойдем, моя любимая, пойдем домой... — шептал Румар.

Он взял ее на руки и понес к гравиталету.

Девушка была легка, путь короток, да еще и какая-то волна неизвестно откуда взявшейся силы захлестнула Румара.

— Хочешь, я тебя на один день возьму с собой на Ланэрд? — уже более мрачно, через силу произнес он.

— Да?! Это правда? Ур-ра! — Скапа задрогала сразу руками и ногами и чуть было не вывалилась из объятий Румара.

— Успокойся. Если ты будешь непослушной, я тебя не возьму туда.

— Все, все, все... Я совсем спокойная. Я совсем послушная!

2

Ланэрд встречал, как всегда, своей угрюмой самобытной природой, и если деревья — то гигантские, корявые, с размашистыми кронами, словно вытесанные неумелым мастером начерно; и если животные — то обросшие грязными наростами, с отвратительными бородавчатыми мордами, с очень подвижными зубастыми пастьями, хватающими все на лету. Везде грязно-зеленые, черные, пегие тона. Влажные блестящие стволы деревьев, непроходимые болота, кишачище различной гадостью. Низкое небо, почти всегда закрытое плотным слоем рваных серых, с белыми вихрями облаков. И тусклая, лиловато-кирпичная звезда.

После голубого мира Мутусы, с яркими чистыми красками, Ланэрд смотрелся грубым хищным мирком и, казалось, придумать более отвратительное место невозможно.

Скапа при виде этого болота, кишачега всякими неправдоподобными тварями, была потрясена. Но воспринимала Ланэрд как не более чем страшную игру, которая скоро надоеет, станет скучной и отойдет на задний план.

Вездеход (из-за повышенной тектоники пользоваться гравиталетами здесь не представлялось возможным), мяся гусеницами густую жижу, подерживаясь и на воздушной подушке, медленно сползал в гнилую долину с пологого холма.

Долину окутывал жуткий пар, он чуть подсвечивался светилом, и вся картина местности становилась еще отвратительнее. Низкое клокастое небо, низкорослый, бесформенный кустарник... Поперек движению вездехода лениво ползло какое-то гигантское чудовище грязно-бурого цвета, обросшее уродливыми наростами.

— Гамада, — пояснил Румар, он вел вездеход прямо на чудовище.

— Рум, ты же раздавишь его!

— Если мы примемся удирать, он нас достигнет наверняка, и уж точно раздавит. Если же мы будем лезть напролом, то он может «подумать», что у нас есть все основания, то есть преимущество в силе. Этот мир подчиняется одному закону: кто сильнее, тот и выживет. Перед твоими глазами, кстати, мир, в котором реально существует естественный отбор. Постоянные мутации неизбежно движут природу вперед. Вот, например, этого Гамады в прошлом сезоне не было. Он появился совсем недавно, можно сказать, новичок в этом мире. Вроде тебя.

Животное в самом деле уступило дорогу, хотя перевес в силе был наверняка у Гамады. Но слишком маленький мозг так и не смог понять, что такое наглость.

Вездеход без приключений миновал болото. Вернее, долину, которую нормальный человек неизбежно назвал бы болотом. Только Румара это не очень обрадовало.

— Румар, а что это за грибы, покрытые маслянистыми пятнами?

Румар тоже заметил эти странные растения. Они появились во время его отлучки. Высокие, до трех метров, на толстых мясистых ножках, светло-, даже бледно-зеленого цвета, с яркими мясистыми пятнами на шляпах. Они держались большим семейством на окраине равнины, перед началом толстостволого леса.

— Не знаю. Эти популяции обра-

зовались в мое отсутствие, — коротко пояснил Румар.

Скапе показалось, что он злится.

— Ты опять обиделся, а ведь обещал мне, что...

— Нет. Я не обиделся. Меня смущает это спокойствие. Болото обычно кишело всевозможными существами. А остались лишь Гамады да этот вековой толстоствольный лес. Он уже процветает лет двести, а может быть, и триста. Образовался еще до нашего прихода. Станный лес, потом расскажу о нем. У нас на него большие надежды.

— А почему не сейчас?

— Времени нет. Я не хочу отвлекаться.

Скапа недовольно надула губы. Однако Румар не отреагировал, он полностью был увлечен тем, что происходило за толстым стеклом иллюминатора. А там, собственно, ничего не происходило. Румар автоматически отметил дистанцию до колонии грибов и переключил все внимание на трассу, прорубленную в толстостволом лесу. За эти прошедшие пять дней она заросла до неузнаваемости. Вьющиеся стебли кустарника старательно пытались проникнуть вглубь леса.

Станция находилась в шести километрах от равнины, глубоко в лесу, и, как оказалось, в самом надежном месте. Хотя и запрещали все инструкции разбивать лагерь вблизи активной флоры, но персонал станции убежден: лучшего места на планете не найти! Румар придерживался этого же мнения. В толстостволом лесу он чувствовал себя в полной безопасности.

Вездеход побежал быстрее: твердая почва, нет цепляющихся за гусеницы лиан.

— Почему здесь нет животных? — Скапа с любопытством разглядывала пронесшийся мимо лес.

— Особая система этих растений. Здесь образован свой микромир. Он совершенно отличен от той флоры и фауны, что за лесом. Он не мутирует, и более нигде на всей планете не встречается. Парни полагают, что он был посажен разумными существами.

— Правда?

— Я же сказал, что только полагают. Вездеход, не сбрасывая скорости,

влетел на территорию станции и резко затормозил перед шлюзами.

Румар улыбнулся и посмотрел на Скапу. Девушка заметно побледнела от страха. Такое лихачество явно не соответствовало ее представлению об игре.

— Рум, больше не делай так, ладно? Пожалуйста... — Она опять посмотрела на Румара своим детским доверчивым и наивным взглядом.

Румар пожал плечами.

— Одевай скафандр и пойдем на станцию. Вон уже ребята из иллюминаторов выглядывают.

Скапа посмотрела на станцию и увидела смеющиеся здоровые лица. Ей стало стыдно за свой недавний страх, и она поспешила нацепить гермошлем, чтобы скрыть выступивший на щеках румянец.

Румар тряхнул головой, с шумом вдохнул воздух и, чуть наклонив голову, надел гермошлем.

На станции вновь прибывших принял парень, не уступающий в росте Румару, плечистый и симпатичный. Он лестно улыбнулся Скапе, еще не зная, что она жена Румара.

— Вот, познакомься, Зихи, моя жена, Скапа.

— Жена? — Зихи открыто удивился.

— Да, а что? — не поняла его Скапа и боязливо взяла Румара за локоть, прижалась к нему щекой. Откровенно говоря, Зихи не внушал ей доверия.

Зихи теперь улыбался чисто из приличия.

— Когда это ты успел, Рума... А?

— Уже давно. Только не говорил. Да и зачем? Это касается только нас со Скапой.

— Конечно, понятно... но я бы не выдержал. Да и осуждающе смотрю на тебя сейчас. Не знаю, как другие, но утаить такое от друзей...

— Да ладно тебе... Размечтался. Думал, наверное, что это я тебе привез такую красавицу?

— Да уж, от тебя дождешься такой милости. Ну, да ничего! Муж не гора, отодвинем.

Скапа теперь просто испуганно смотрела то на сожалеющую неизвестно о чем улыбку Зихи, то на улыбающегося неизвестно чему Румара, и ей становилось страшно. Может быть, впервые в

Мир чужой

жизни. Как может случиться такое, что кто-то может отнять ее самую драгоценную игрушку?

— Как тебе этот Зихи? Правда, отвратительный нахал? — тихонько поинтересовалась она уже в каюте, снимая надоевший комбинезон.

Румар как обычно стоял спиной к ней.

— Да ты что! — Он резко повернулся и заметил затравленное существо, забившееся в угол. Девушка смотрела на него исподлобья.

— Отвернись. Совесть потерял?

— И не подумаю! — Румар нагло сел в кресло и бесстыже уставился на обнаженную Скапу. — Во-первых, я тебе муж, стесняться меня просто неприлично. Во-вторых, ты все воспринимаешь как игру, а ведь это уже давно не игра. И я — тоже не игрушка. В-третьих, Зихи — отличный парень. Шутки у него, конечно, не из лучших, но парням настроение поддерживает в самых тяжелых ситуациях. И я попро... Нет, я приказываю ко всем на станции относиться приветливо.

Скапа безнадежно захныкала.

— Отвернись... Прошу...

— Ну, знаешь! — Румар резко встал, опрокинув кресло, и вышел из каюты.

Зихи сидел на посту дежурного у пульта в диспетчерской, как обычно чистя ногти кончиком своей финки.

— При входе в толстоствольный лес мы заметили какие-то грибы.

Улыбка сошла с лица Зихи.

— Грибы?

— Ну да, такие, знаешь, на толстых ножках, с маслянистыми пятнами на шляпах. Метра три в высоту.

— Дистанция?

— Двенадцать метров.

— Вам повезло. — Зихи встал из кресла и подошел к огромному иллюминатору. Стал говорить, не оборачиваясь, прямо в иллюминатор. — Грибы. Вам повезло. Еще три-четыре метра — и пришлось бы ставить вам памятник, как и Сейсу. Он сгорел в вездеходе.

— Сгорел?

— Да. Эти грибы, как ты их назвал, накапливают чудовищный электрический потенциал. Произошел пробой брони и дуга. Сейс только успел передать дистанцию...

Румар нервно мямлил кисти рук.

— Как же мы с ним спустились на дно катавпадины... Вместе рисковали жизнью, вместе праздновали победу, и вдруг... Я здесь... а его больше нет...

— Нет... Я не хотел тебе говорить, но раз уж ты завел этот разговор, то скажу. Зря ты сюда привез Скапу. Опасные времена настали. Шеф собрал совет, предполагается временное закрытие планеты для свободного посещения. Из леса выезд категорически запрещен. Вот и думай. До космодрома двадцать четыре километра, проползти их не сможешь даже на брюхе. На собственном брюхе. Везде опасно. Начинается новый сезон мутаций. Теперь хищники страшнее, чем те допотопные зубастые чудища, а их жертвы, так сказать, травоядные, грознее Батигов.

— Все еще никаких соображений по поводу очень уж бурных мутаций?

Зихи пожал плечами. Он перевел свой грустный взгляд на засветившийся экран.

— Станция. Докладывает элемент разведки номер шесть. В квадрате тридцать-двадцать зафиксирована повышенная активность Рбагов.

По экрану поплыло изображение гнилостных, с многочисленными язвами, сгустков шевелящейся материи. Они были разбросаны по небольшой лужайке и яростно пожирали все, что проходило или пролетало рядом, не забывая, однако, и про «подножный корм». Они росли прямо на глазах, плодились, дохли. Они медленно двигались в сторону толстоствольного леса, оставляя после себя объединенную просеку в сочной травовидной растительности.

— Самоубийцы, — прокомментировал Румар.

— Почему?

— Вон, на верхнем плане виднеются нам уже известные грибочки.

— Ты так думаешь? — Зихи отчужденно смотрел на Рбагов и о чем-то думал. — Я вот считаю наоборот. Посмотрим, что выйдет из их встречи. А ты обрати внимание на мелкие электрические разряды над Рбагами.

Действительно, Румар заметил слабое свечение над стадом этих отвратительных тварей.

— Что предпринять? — осведомился робот.

— Ничего, будем наблюдать, — Зихи медленно опустился в кресло, не отрывая взгляда от экрана.

В диспетчерской воцарилась тишина. Вошла встревоженная Скапа. Она сильно переживала из-за недавней ссоры. И поэтому очень виновато посмотрела на Румара.

— Садись, — он указал на свободное кресло, продолжая наблюдать за процессией, шествующей к толстостволу-му лесу. Скапа села поближе к Румару. Перегнулась через подлокотник и прошептала на ухо мужу:

— Ты не сердисься?

Румар потрепал ее по волосам и улыбнулся одним уголком губ, только для Скапы, продолжая внимательно смотреть на экран. Волосы Скапы щекотали Румару щеку, но это было даже приятно, он обнял девушку за плечи. Скапа склонила голову на плечо и тоже стала смотреть на экран.

— Какие гадкие твари. Неужели подобные могут существовать в великом космосе? — искренне поразились Скапа и тут же по-детски покраснела, испугавшись обращенного на себя внимания. Однако все сделали вид, что не заметили этого.

— Если бы ты видела Сипсов, эти Рбаги показались бы тебе ангелочками небесными. Они не так уж и отвратительны. Хотя, конечно, у человека нового на Ланэрде, они ничего, кроме отвращения, вызвать не могут. Ведь не любить же эти прожорливые гнилостные комки вонючей материи, сплошь покрытые язвами. А уж вонючие, это точно, все обитатели этого мира имеют свои специфические... — Зихи прервал лекцию. Он любил рассуждать вслух, словно говорил с кем-то, даже когда никого не было рядом. Но и ему пришлось прервать свои рассуждения.

Рбаги наконец приблизились к грибам. Мощный электрический разряд моментально испарил полстада Рбагов.

Скапа чуть заметно вздрогнула. Румар уловил это едва ощутимое движение и крепче обнял ее, прижал к себе.

Остальная часть животных образовала плотное кольцо, и произошло невероятное: яркая синяя дуга уперлась в

скопление грибов. Тела последних враз обняло багровое пламя, и через секунду от бывших рослых существ остались невзрачные головешки. Дуга продолжала гореть, испепеляя остальные грибы, только медленно ослабевая. Грибы тоже «опомнились» и принялись уничтожать Рбагов. Тем пришлось отступить на безопасное расстояние.

— Сколько энергии уходит зря... — простонал Зихи.

— Предлагаешь попробовать разобраться в природе возникновения высокого напряжения в этих биологических системах?

Зихи кивнул.

— Но прости, подобное просто невозможно по той причине, что пока придут заказанные изоляционные костюмы, грибов и Рбагов на планете не будет. Они мутируют или просто вымрут. Ты же знаешь законы эволюции живого мира Ланэрда.

Зихи опять кивнул. Он упорно молчал, заставляя тем самым Румара сделать зловещее заключение.

— Ты... ты хочешь рискнуть без изоляторов? — Румар ужаснулся.

— Вот именно. Думаю, для человечества шаг будет оправданным. Мы имеем возможность получить у природы источники биологической энергии. Потом будет поздно: один, два цикла мутации — и такой возможности не будет.

— Этого не разрешит шеф. Смертельная опасность.

— Для начала пустим роботов. Или вот, изловить Гамада, уже доказано, они не подвержены электротермическим воздействиям, разобрать по частям, понять причину их непробиваемости, и после этого... Конечно, уйдет гораздо больше времени, и тогда мы можем не успеть. Придется вести работу сразу в двух направлениях. Одно направление открыто, это с Гамадой. А другое, стало быть... — Зихи недоверчиво посмотрел на Скапу и замолчал.

— Она не расскажет. Правда, Скапа? — Румар посмотрел ей прямо в глаза.

— Вы что! Это же может плохо кончиться. Румар, ты не будешь этим заниматься. Ты, Зихи, тоже...

— Скапочка... ну пойми ты, малышка, не можем мы не рисковать. Это крайне

Мир природы

важно для дальнейшего развития человечества. Мы получим биологические источники энергии. Самый оптимальный вариант преобразования энергий светила в электрическую. Представляешь, эти грибы... только увеличенные в тысячи раз, кружащиеся вокруг звезд и перерабатывающие энергию в любой нужный нам вид.

Скапа вздохнула. Глобальные масштабы на нее подействовали, как на ребенка. Она успокоилась. Скапа по-прежнему воспринимала все как игру. Только игру, теперь уже более приближенную к действительности.

Румар улыбнулся.

— Я тебя обещал оставить здесь на один день. А вот если ты никому про нашу затею не расскажешь, останешься на весь цикл.

Глаза Скапы загорелись озорным огнем.

— Правда, или ты обманываешь меня?

— Правда, правда, милая моя Скапочка.

Румар поцеловал жену в щеку. Скапа, часто дышащая от счастья, чуть заметно побагровела, и тут же заулыбалась широкой, пленительной улыбкой, успешно преодолевая детское чувство стыда.

— Пошли, ужин уже остыл. Битых два часа сидим в диспетчерской, — заметил Зихи.

3

Румар проснулся от сильного толчка. Он открыл глаза и долго смотрел в черную пустоту. Все думал, что это ему приснилось. Толчок повторился. Румар протянул руку и включил свет. Каюта наполнилась тусклым синеватым свечением вечернего неба. Весь этот чудный свет исходил от пластиковых плит на полу.

Скапа безмятежно спала, поджав согнутые в коленях ноги к груди и обхватив их руками. Одежда сползла на пол, а в каюте почему-то стало прохладно. Румар встал с кровати, подошел к информблоку. Включил его на ослабленном режиме.

Докладывала Рунчи. Она была сильно взволнована, бледна. Совершенно не вязались эта бледность и волнение с же-

лезной Рунчи, чье спокойствие являлось эталоном на Ланэрде.

— ...эпицентр в двухстах метрах от космопорта. Космодром разрушен полностью. В долине, перед толстоствольным лесом, образовался вулканический кратер. В областях «красных отмелей» образовались расколы до восьми километров глубиной. Из них импульсами выплескивается магма. В «мертвом» океане появляются острова вулканического происхождения, а также из шлака и пепла. Мутационная волна заметно ослабела. Разные виды гибнут в планетарной катастрофе, так и не успев мутировать. Десять энергосистем вышли из строя. Пять из них полностью разрушены. Рбаги мигрируют в холодные не сейсмические зоны, несколько групп проникли в толстоствольный лес, располагаются по трассе. Пытаются пройти силовой барьер. Пока безуспешно. Идет сооружение гравитационного барьера, он будет включен, если Рбаги прорвут силовой. В секторе автономной базы «Зипс» сильный ливневый дождь. База окружена Гамадами, шесть человек оказались в окружении. Погиб Ган, во время эвакуации базы «Пси». Зихи находится в тяжелом состоянии. Сильный электрошок. Станция выдержала три восьмибалльных толчка. Повреждены баллоны с жидким кислородом, несколько изоляторных батарей и второй энергонакопитель. Много поломок в диспетчерской. В лесу упало одно дерево, за силовым барьером. Оно может помешать на какое-то время продвижению Рбагов к станции...

Румар выключил информатор и быстро стал одеваться. Поднял с пола одеяло, поправил полы свисающей белоснежной пижамы Скапы, заботливо накрыл ее и поспешно вышел.

В коридоре все покрыто инеем. Дышится легко, свежо, но — собачий холод. Румар натянул воротник комбинезона до ушей, передернул плечами и решительно пошел в сторону диспетчерской. В диспетчерской вовсю кипела работа. Парни с сонными лицами, видимо, все произошло совсем недавно, копались в аппаратуре, изредка протирая спящие глаза. Румар тоже чувствовал, что глаза сами произвольно закрываются. Чертовски хо-

телось спать. Однако холод бодрил, и через десять минут от сна не осталось и следа. «Пусть Скапа поспит, у нее сегодня, то есть вчера, был тяжелый день, насыщенный разнообразной информацией. Пока еще ничего слишком серьезного не произошло. Пусть спит лучше, и ни о чем не знает», — подумал Румар, а мозг сам, автоматически включился в работу.

— Почему нет роботов? — поинтересовался он в полном безмолвии.

— Они все на подзарядке. Ночь, — четко ответил Дага. Он ковырялся лазером в схеме «выхода» и отвечал, не поднимая глаз.

Румар сладко зевнул. Это не мешало работе. Он делал все четко и точно, умело оперируя полученными знаниями.

Скапа проснулась от чувства пустоты. Румара не было. Она тревожно пошарила рукой возле себя. Нет. Его не было. Он ушел. Значит, что-то случилось, а она спала и ничего не знает. Вскочила с постели, откинув в сторону одеяло, и ощутила холод. Холодом объяло все. Скапа схватила одеяло и закуталась в него. Подошла к информатору, робко, предчувствуя что-то ужасное, включила его.

Рунчи, с длинными растрепанными волосами, с усталым лицом и большими покрасневшими от бессонной ночи глазами, ровно докладывала последние новости.

— ...он завершен. Через две минуты мы включимся из диспетчерской. Зихи по-прежнему находится в шоке. Обострение удалось снять. Работает профессор Уайди, он ведущий специалист в этой области. Повторяю. Наденьте утепленные комбинезоны, утечка жидкого кислорода значительна.

Скапа подбежала к шкафу и, придерживая одной рукой одеяло, другой перебирала серию комбинезонов. Нашла то, что нужно, с автоматическим подогревом, бросила под ноги одеяло, скинула с узких плеч пижаму и торопливо принялась натягивать комбинезон, заранее включив подогрев.

Дага щелкнул тумблером.

— Вот и все, можно включать, — сообщил он, потирая огромные ладони. Румар кивнул и набрал код включения.

Все экраны диспетчерской ожили, на пластике пола заиграли световые тени. Скапа вошла встревоженная, полусонная, зажмурилась от резкого света. Парни с удивлением посмотрели на это чудо.

— Да... я забыл познакомить вас, ребята... Это моя жена, Скапа. Вы уж извините, все как-то времени не было вам сообщить...

На лицах появились едва заметные улыбки, а Румар почувствовал неловкость.

Сигнал тревоги прервал затянувшуюся паузу. Румар вскочил из кресла на ноги, и все еще держал в руке эмми-индикатор.

— Прорван силовой барьер, с группой, ведущей монтаж гравитационного барьера, связь потеряна, — сообщила Рунчи. Ее глаза округлились от ужаса, лицо стало совсем бледным.

Все устремились в ангар. Там, в полной тиши, дремали тяжелые вездеходы, оснащенные инфразвуковыми пушками и толстым изоляционным напылением, сделанным совсем недавно роботами. Тут же подзаряжался и обслуживающий персонал этих машин. Румар прыгнул в открытый люк одной из них, захватив с собой лишь легкий скафандр. Следом прыгнул Дага, неудачно, раскроил себе локоть. Подбежала Скапа.

— Ска, жди меня на станции, не вздумай глупить. Скоро вернемся.

Румар резко дернул рычаг управления на себя. Вездеход взревел и ринулся к выходу, подняв ураганный вихрь мощными воздушными компрессорами. Дага уже на ходу захлопнул крышку люка и плюхнулся в глубокое кресло, снабженное амортизаторами.

На мгновение Румар заметил встревоженную Скапу, провожавшую взглядом машину к выходу. Потом грохнула предохранительная перегородка позади вездехода, и Скапа пропала из вида. Зато экран заняло угрюмое изображение Ланэрда в инфракрасном спектре.

— Включи прожектор, — посоветовал Дага. Он потирал ушибленный локоть, сосредоточенно смотря в экран.

Румар не пренебрег советом. Из узких щелей брызнул яркий белый свет. Он безжалостно ударил в толстые ство-

Мир иродов

лы деревьев, рассыпался на множество пепельных теней.

Перед глазами замелькали стволы. Румар виртуозно вел вездеход к месту происшествия, описывая виражи у разрушенных изоляторных батарей. Внезапно экран передернула яркая молния.

— Что это еще такое? — Румар чуть сбавил скорость.

— Понятия не имею, возможно, новый мутант. Черт поймет эту планету. Сегодня одно, завтра — совсем другое. Постоянные мутации.

— Но еще ни одному мутанту не удавалось проникнуть в толстоствольный лес.

— Значит, эти смогли, а может быть...

— Что?

Дага чуть помедлил.

— А может, это сами аборигены леса. Должен же кто-то жить в этом лесу.

Воцарилось молчание. Просто разговаривать было некогда. Они торопились.

Весь экран резко перечеркнул ствол упавшего дерева. Румар рванул тумблер максимальной нагрузки компрессоров. Вездеход подкинуло вверх плотной струей воздуха. Он стремительно перелетел ствол и буквально завис над Рбагами, осветив их нижними прожекторами. Рбаги шарахнулись в стороны, обильно осыпая вездеход мощными электрическими разрядами.

— Огрызаются, — прокомментировал Дага, хотя в этом не было никакой необходимости.

Румар развернул машину на аварийный сигнал. Сигнал повторялся периодически с малым интервалом времени. Прожектора уперлись в разбитый вездеход, возле которого валялись пустые скафандры. Нигде людей не было.

— Почему... Зачем они переползли через дерево? — Дага произнес эти слова в полной задумчивости. — Они вели монтаж за деревом...

— Видимо, решили исправить силовой барьер.

Дага закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Все кончено. Эти гнусные твари просто расправились с ребятами. Сожгли всех до единого.

Румар стиснул зубы, глаза предательски засветились.

— Пятерых, черт возьми! — вскипел он, хватаясь за гашетку инфразвукового орудия. — Сейчас я им...

Дага открыл глаза.

— Остановись, что ты делаешь! Румар! Они же неразумны, за что их винить! — он схватил Румара за плечо.

Пальцы нехотя отпустили гашетку.

— Возвращаемся. Скоро включится гравитационная защита. Возвращаемся.

Вездеход резко развернулся, подлетев над поверхностью планеты. Мощная струя сжатого воздуха отбросила Рбагов в стороны, и машина круто перелетела через преграду и чуть не столкнулась с перевернутым вездеходом.

— Рум... — вскрикнул Дага, но Румар и сам прекрасно видел перевернутую машину. Он мастерски увернулся от удара, слегка лишь зацепив ствол дерева. Вездеход круто развернуло.

— Минут через пять Рбаги будут здесь. Нужно спешить.

Дага вскочил из кресла в скафандр. Румар последовал его примеру.

— Они вылетели вслед за нами, — сказал Дага, вылезая из люка. — Видать, не справились с управлением, хотели перепрыгнуть дерево.

В перевернутом вездеходе горел свет. Дага зацепился ногой за лиану и упал.

— Черт, не везет сегодня...

Румар проник в машину первым.

В углу, раскинув руки в стороны, лежал Токзи, весь в крови, с разбитым лицом и порезанным комбинезоном, рядом на коленях, склонившись над ним, стояла Рунчи. У нее порезана рука от локтя до кисти, кровь бьет струей, а она, словно не замечая этого, перевязывает беспомятного Токзи. Пол посыпан битым стеклом от экранов.

Обливаясь слезами, вся в ссадинах, с мокрыми от пота и вымазанными в крови волосами, Скапа копается в медсекторе.

Румар снял гермошлем.

— Быстро обезболивающее... «инск!» — скомандовал он, с него еще стекала дезинфицирующая смола, — да не мне, Рунчи дай...

Скапа шарахнулась от Румара к Рунчи.

— Теперь «инцин-А». Быстрее... Ставим Токзи. Дага, перетяни Рунчи руку. Быстрее, она уже потеряла много крови. Немедленно вызови с базы вездеход.

— С какой? — Дага, только что ввалившийся в салон, принялся за работу. Рунчи не сопротивлялась, хотя все еще пыталась чем-то помочь Токзи.

— Со станции, понятно... Скапа, ну где же «инцин»... Давай. Приподними ему голову.

Румар технично ввел препарат в аорту, прижал стяжкой рану и залил ее клеем. Теперь снотворное. Очень даже не нужно, чтобы он пришел в себя.

Скапа метнулась к медсектору.

— Нет...

— Че-ерт, он уже приходит в себя...

— Нет... — Скапа беспомощно захныкала.

— Давай обезболивающее. Хотя это вряд ли поможет.

Дага колдовал над разбитой аппаратурой.

— Станция? Срочно вышлите медвездеход, лучше с Уайди...

— Что там у вас случилось?

— Вездеход перевернулся. Рунчи сильно разрезало руку. Токзи вообще без сознания. Очень плох. Ввели «инцин».

— Что? Ввели «инцин»? Сейчас вышлем Уайди. Через несколько минут ждите.

— Времени нет. Мы выезжаем сами. Нужно перетащить вездеход через границу действия гравитационного барьера.

— Понятно. Готовим операционную. Уайди уже в ангаре, встретит вас в пути.

Румар внимательно посмотрел на Скапу. Она уже не плакала, просто смотрела совершенно другими глазами на стонущего Токзи.

— Клейные бинты. Скапа, принеси...

— Хорошо. — Она опять оказалась у медотсека.

— Потерпи, Токзи... Скоро все будет хорошо...

Токзи в ответ что-то промычал.

Небо стало пронзительно чистым. Просто невозможно представить себе, что оно может быть таким чистым. В воздухе носились безобразные создания. Некоторые планировали с ветки на ветку, другие парили, размахивая прозрачными крылышками. Все животные походили на вполне земных насекомых, хотя казались совершенно несравнимы ни с одним из них.

Румар молча смотрел через иллюминатор на этих странных насекомых. В голове еще «булькали» события тектонической активности прошлой недели.

В госпитале было тихо. Зихи спал, не подозревая, что в палате находится Румар. Он должен был скоро проснуться. Румар терпеливо ждал этой минуты. Вот Зихи зашевелился в постели, вздохнул, сонно заморгал веками и улыбнулся, заметив Румара.

— Доброе утро.

— А... проснулся, симулянт! Ну, хватит, хватит валяться, больного из себя строить. Вставай!

— Рассказывай, — Зихи сел, поднял спинку кровати: ноги у него по-прежнему были парализованы.

— Вскрыли твою Гамаду. Оказалось, очень хорошо защищена. Кожные наросты на подошве, отличный изолятор, да и кожа непробиваема. Дугой не прожечь. Вот и весь секрет. Сами грибы и Рбаги состоят в большей степени из клеток-конденсаторов больших потенциалов и из клеток-преобразователей, способных преобразовывать химическую и солнечную энергию, а также и энергию гравитации. Представляешь, преобразуют тяжесть самой планеты. Ну, это еще ерунда по сравнению с другими новостями. Толстоствольный лес оказался звездолетом, они высадились семьсот лет назад на необитаемую планету повышенной тектонической активности. Планета была мертва. Решили использовать ее в качестве лаборатории. Провели серию экспериментов, очень большие успехи в биологии. Потом прилетели мы. А из-за особой формы этих существ, они долгое время не могли войти с нами в контакт. Затем удалось, помнишь, я тебе рассказывал о гибели пятерых монтажников гравитационного барьера?..

Мир через

— Да.

— Так вот, это они вырвали их прямо из зубов Рбаги. Мутации стали управляемыми. Сгорел Сейс, это заслуги грибов... они очень расстроились, пришлось уничтожить грибы при помощи Рбагов, которые тоже, став хищниками, вышли из повиновения.

— А как там самочувствие Токзи?

— Наши друзья помогли и в его исцелении. Уже прыгает и бегаёт, совершенно здоров. Да и тебя они тоже поставили на ноги.

Зихи недовольно сдвинул брови к переносице.

— Смеешься?

— Нисколько. Ты ведь еще не пробовал вставать? Вот и попробуй.

Зихи неуверенно опустил ноги на пол. Встал и, сам не помня себя, прошелся по комнате.

— Убедился? Все это произошло во время твоего сна, совершенно без химических вмешательств. Мы только начинаем овладевать секретами их медицины. Уайди лишился сна. Он все хочет узнать сразу. Мне его искренне жаль. Еще... Рунчи передавала тебе привет. Даже, по секрету, пытается вырастить какие-то редкие фрукты. Прилетел Крэйд со своей лабораторией, быстро они успокоили тектонику. Еще и куча знаменитостей понаехали, как-никак, первый контакт... Ну вот

и все. Сегодня мы со Скапой улетаем на Мутусу, вот, пришел попрощаться. Загадка Ланэрда перестала существовать. Я лично рад, что все так хорошо кончилось. Жаль только погибших парней...

Скапа рассматривала стереоскопии планетян и искренне дивилась многообразию форм разумных существ Галактики. Румар вошел в кабину радостный, озорно подмигнул Скапе.

— Все, Скапуля... летим домой! Пойдем, моя красавица.

Скапа тихонько засмеялась.

— Рум. Ты ведь меня все еще ребенком считаешь. Зря. Я многое поняла здесь, и, честно говоря, мне не хочется оставлять Ланэрд. Здесь друзья... — Она вздохнула. — Мы прошли вместе все испытания судьбы...

— Ох, Скапа, я тебе скажу, мне все надоело до такой степени, что никаких сил нет. Стать бы снова беззаботным ребенком и мирно себе купаться в прохладной воде лесного озера на Мутусе. Любоваться чистой и светлой природой, загорать под синим солнцем и мечтать о чем-то необычном. Так всегда, когда пройдешь через все мечты, когда почувствуешь то, о чем мечтал и добьешься всего, тянет назад, в те времена, когда все это было еще впереди. Ну, а теперь — пошли. Отец, наверное, заждался. Да и ты его тоже...

Антон ВЕТРОВ

г. Иркутск

В ОДИН ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Рано или поздно почти к любому бездельнику приходит мысль написать книгу. Ну, или хотя бы рассказ. Гм... Насчет любого я, пожалуй, поторопился, есть ведь такие, кто вообще ни о чем не думает. Я говорю об этом не как какой-то судья-обличитель, а просто стараюсь констатировать факты. Так вот, некоторые из них понимают, что писать, не имея перед собой ясной цели, а точнее, объяснения того, зачем

пишешь — бессмысленно. Большинство сходит на этом этапе. Про большинство я загнул, конечно, да и вообще говорить от имени всех не очень-то вежливо, но, надеюсь, Бог или хотя бы ты, читатель, меня простите за это. Оставшиеся начинают мучительно выбирать цель, не зная еще, что занятие это не только неблагодарное, но и порой бессмысленное. Такие объяснения как «ради людей» и «для счастья всех в мире» не проходят

даже внутренний детектор лжи. Да... Зачем же я пишу эти строки, можешь подумать ты? Просто я не могу иначе. Желание писать (не забудьте правильно поставить ударение) приходит ко мне все чаще и остается на все более долгое время. Честно говоря, мне самому хочется в это верить. «А вдруг ты графоман?» — услужливо шепчет внутренний голос. Такой расклад событий не порадует почтенную публику и главного героя сего представления. Хотя, скорее всего, эти строки никто и никогда не увидит, кроме автора. Но я буду иногда обращаться к тебе, читатель, чтобы создать иллюзию общения или просто когда мне этого захочется. А вдруг потребует того литературный слог? Даю тебе слово писать по возможности правдиво и ненавязчиво, излагать все кратко и внятно, а самое главное искренне, хотя это и очень трудно. Или нет? В процессе выясним. Выполнить бы его еще, это слово.

Вот написал уже огромный абзац, а смысла ноль, ну чем не графомания? Не думаю, что у меня получится написать книгу — все-таки это тяжелый труд, по сравнению с которым работа монтаж-

ником (я им работаю, если ты еще не понял) кажется очень легкой. Да она в принципе и так трудной не кажется, не знаю, почему некоторые говорят, что это тяжелая работа. Гораздо тяжелее, по-моему, сидеть где-нибудь в офисе, не зная зачем, делать незнамо что и убивать время — страшная фраза, ты не находишь? — в ожидании обеда. Ради чего же я пишу эти строки? Ради себя, ну вот не могу не писать и все. И коли это будет не книга, так пусть станет хотя бы дневником. Надеюсь, я еще вернусь сюда, на свой сайт. А если вернусь, то, надеюсь, что этот дневник не заменит мне реальности. На этом все.

Вот написал про смысл. А в чем он? Банальный вопрос, конечно, но просто так вспомнилось. Вдруг ты задашься этим вопросом и отыщешь его? Ну, ну, не обольщайся. Обещаю еще вот что: не графоманить, то есть не писать восторженной и возвышенной глупости непонятно о чем, а писать только то, о чем не написать нельзя и что я хорошо знаю! Это хорошая фраза, по-моему. Или она уже «закопирейчена»? Ну все, пошел спать.

Подмосковье

Галина Деменкова

Родилась в Нижнеилимском районе Иркутской области. После окончания филологического факультета ИГУ работала в Центре народного творчества научным сотрудником. С пяти лет начала писать стихи. Основное увлечение — литература, в частности устное народное творчество. Любимые писатели: Ремизов, Булгаков, Маяковский. На данный момент работает в рекламном бизнесе. Живет в Иркутске. Публикуется впервые.

РУХНУВШИЙ МИР

Действующие лица:

Двое мужчин (Первый и Второй), лет 35-37.

Анна, высокая, стройная, красивая; темной «масти»; двадцати (светящаяся счастьем, с безумными кудрями в длинных волосах и т. п.) и двадцати семи лет (совершенно дама).

Алексей Аркадьевич, ее любовник, тоже высокий и красивый, очень брюнет, 35 лет.

Кратковременный голос Сергея Степановича.

Мальчик без имени, белокудрый, взрослого роста.

Женщина в голубом.

Женщина в белом.

Пасмурный субботний день.

Декорации первой сцены — за занавесом. Из-за кулис ненадолго появляется Анна (взрослая), чтобы спросить: — Вы случайно не заметили — мир еще не рухнул?

Сцена первая. Философская

Светлая комната. Посередине: столик-бар и кресло. В глубине сцены окно с широким подоконником, вертикальные тонкие жалюзи открыты. Первый — в кресле, затем встает, идет к краю сцены. Второй сидит на подоконнике.

Второй (негромко). Она опять плачет...

Первый (не слыша Второго, в зал). Вы когда-нибудь терзались бесконечно навязчивой мыслью о том, что вы не понимаете, зачем родились?.. А знаете вы, как невыносимо быть обладателем недалекого ума и осознавать это? А как страшно быть бездарностью и тоже это осознавать? А как больно любить и не сметь даже мечтать о взаимности? А не любить никого вообще? А ужас за падшие души не давал вам спать? Или... хотя нет, достаточно. Так вот, если

никогда ничто подобное не тревожило ваше сердце, то смею вас заверить: вы здесь напрасно отсидите свои благопристойно-благополучные зады! А посему вам, вероятно, лучше удалиться.

Второй. Ну зачем же хамить милым людям, которые пришли приобщиться к миру прекрасного посредством театра? Это исключительно для того (*спрыгивает с подоконника, подбегает к краю сцены*), чтобы потом с искренней ненавистью к себе (*злому и нехорошему*) спокойно жить дальше.

Первый. А по-моему, кто-то лезет не в свое время. Утро сейчас, ут-ро. Впрочем, коли уж ты вылез, давай вместе и представимся (*встают рядом*): это — я. В основном мы мирно живем: он (*кивая в сторону Второго*) обычно является одинокими ночами, в общем нечасто, и для разрешения и предупреждения возможных конфликтов мы напиваемся в...

Второй. ...в зале есть дамы и дети, так что будь любезен.

Первый. Что, уже наливать?

Второй. О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?

Первый (*тяжело вздохнув*). Так, началось... Я вас предупреждаю: у него ни одного своего слова. (*Садится в кресло.*)

Второй. Зато ни одной чужой мысли! И если я говорю, к примеру, что я примеряю истории, как платья, то из этого следует, что делаю я это всю свою сознательную жизнь, но точное определение вычитал лишь недавно. И всегда ссылаюсь на автора, если не уверен, что собеседник...

Первый. Ну, куда тебя понесло? Ты зачем здесь?

Второй. Ах да, я отвлекся — люблю поболтать, жаль, что не с кем. (*Насмешливо.*) А появляюсь я обычно, когда мы истину начинаем искать, нам же без истины-то никак нельзя. Что, приступим?

Первый (*не обращая внимания на тон Второго, оживленно*). А почему бы и нет? (*Достает из стола бутылку и бокал, ставит.*) Ну что ж, не хочется щеголять латынью, но истина, действительно, в вине (*начинает открывать бутылку*).

Второй (*ходит у края сцены, не*

глядя на Первого и не особо внимательно его слушая). Да, и ведь абсолютно верно, истинно, истинно говорили, в ней и только в ней.

Первый (*бодро подхватывает*). Точно! Не в нем, а в водке!

Второй (*по-прежнему не глядя в его сторону, с недоумением*). В какой водке? При чем здесь водка? (*Уверенней, с удовольствием развивая дальнейшую мысль.*) Хотя, может быть, слабые человеки во все времена именно потому и предавались пьянству, что не могли вынести этого безнадежно-бесконечно-го чувства.

Первый (*удивленно*). Какого еще чувства?

Второй (*не менее удивленно*). Как какого? Вины. Ты же сам сказал, что, вероятно, в нем и есть истина.

Первый. А-а-а... (*В растерянности разводит руками: в одной пробка, торжественно восседающая на штопоре, в другой — бутылка.*)

Второй (*увлеченно*). И нас никогда не отпустит изначально во всех заложенное это вечное (*поворачивается к Первому*). (*Пауза.*)

Первый (*уже скрутив пробку со штопора, закрывает бутылку и вместе с бокалом собирается убрать ее в стол*). Ну-ну, продолжай, и что же вечное, намертво вцепившись в нашу задницу, лишает меня возможности выпить в приятной компании?

Второй (*виновато*). Почему лишает?

Первый. Да потому, любезный, что мы либо философствуем, либо пьем, а под питье рассуждать о своей вечной вине перед Женщиной и Богом — это, простите, хренатень собачья.

Второй. Ну, так и... ну и не будем мы о ней рассуждать, без рассуждений в данном конкретном случае обойдемся. А?

Первый. Давно бы так (*наливает и пьет*).

Второй (*осторожно, чтобы не столкнуть бутылку, присаживается на край столика*). Хо-ро-шо.

Первый (*счастливо*). А представляешь, как мне огорчительно стало, когда тебя понесло?!

Второй. Весьма, весьма.

Первый. Повторим?

Подписки

В т о р о й. А то! (Берет у Первого бокал. Наливает, пьет.)

П е р в ы й. Почему-то не пьяно, тепло, но не пьяно.

В т о р о й. Потому, что любимую мысль думаешь.

П е р в ы й. Точно...

В т о р о й. А ты не думай, посмотри, как люди живут, ну большинство: просто, легко, не ковыряясь в собственной персоне и не ища с тупым упорством смысла, которого все равно не найдешь.

П е р в ы й. Да не то это. (Встает, ходит по сцене.) Ты же понимаешь, да все здесь понимают, что для этого надо иметь что-то: цель какую-нибудь, любимое дело, ну, может, и не совсем любимое, но дело или хотя бы желание этого же самого дела. Или любовь, такую, которая раз в тысячу лет. Или мечту о такой любви. (В зал.) Правильно же? Только так можно жить, только так нужно жить. Без этого нет счастья, а без счастья человеку нельзя жить, зачем? Все несчастные должны умирать сразу же, как только почувствуют себя несчастными. (Отходит вглубь сцены.)

В т о р о й. Сейчас прямо начнем умирать? Или еще выпьем? Или все — пора? (Залу.) Есть желающие к нам присоединиться? Или у всех счастье бьет ключом?... по голове. (Зло Первому.) До чего ж ты... Или урод, или... (Садится на край сцены. Смотрит в зал, словно ища поддержки. Почти шепотом.)...Или, или! Лама савахфани? (Пауза.)

П е р в ы й. Ну да, урод. Так вот ты поведай мне, уроду, о мудрейший, как быть... и быть или не быть... и быть... и быть, мать твою! Не молчи! (После паузы, примирительно.) Музыка. Живопись. Поэзия... До сих пор сомневаюсь, что я сделал правильный выбор. Почему я могу делать что угодно, но не знаю, чего же именно я больше всего хочу?

В т о р о й (в сторону). Каждый раз одно и то же!

П е р в ы й. Что ты там бормочешь? И все же скажи, если любое творчество имеет либо Божественное начало, либо... э-э... ну, понятно какое, так вот, и если я вдруг осознаю, что мне абсолютно безразлично, какие силы (темные или светлые) побуждают меня к...

В т о р о й (раздраженно)... к тому,

чтобы нести чушь? Отстань от меня со своими дурацкими вопросами. (В этот момент за окном разливается ослепляющий солнечный свет, Второй подходит к окну, закрывает жалюзи и на них отчетливым крестом падает тень оконной рамы. Некоторое время Второй молча стоит на фоне этого креста.) Не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? (Пауза.)

П е р в ы й. Кстати, о душе... Давно хотел узнать... Можно я не буду сохранять свою душу, а, например, кинусь в петлю с Его именем, для того чтобы искупить вину человечества за Иудин грех? «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее».

Молчишь? (Долгая пауза. «Крест» за спиной Второго постепенно тает, солнце исчезает, в комнате становится темно.)

В т о р о й (открывая жалюзи). Разве ты меня за этим звал? Не думаю... Почему ты молчишь о главном? Зачем я был тебе нужен? А-а, понимаю, неловко признаться самому себе, что впервые у тебя душа не на месте из-за другого человека? Не стесняйся: она же тебе сестра... Право, глупо.

П е р в ы й (подходит к Второму. Смотрит в пол). Она опять плачет.

В т о р о й (с иронией). Ты очень внимателен... Почему?

П е р в ы й. Откуда я знаю.

В т о р о й. Так, может, пора узнать?

П е р в ы й. Да мы об этом не говорим... Ну там, видимо, любовь какая-то...

Сцена вторая. Повествовательная

Все то же. На подоконнике сидит Женщина в голубом.

Ж е н щ и н а в г о л у б о м. Простите за вторжение, но это не «какая-то», а Любовь.

Д в о е (поворачиваясь на голос и слегка кланяясь). Доброе утро. Простите, как вы сюда попали? Извините, а вы кто?

Ж е н щ и н а в г о л у б о м. Это

все неважно. Важно то, что любовь не бывает «какой-то». Я расскажу вам эту историю, только вот конца у нее (видимо, как и у этой любви) нет. *(Подходит к креслу, обращаясь к Двоим.)* С вашего позволения, я сяду здесь.

Д в о е (все еще слегка ошарашенные). Конечно, пожалуйста. *(Отходят к краю сцены, располагаются на полу, приготовившись слушать.)*

Ж е н щ и н а в г о л у б о м. Это было совсем недавно. Началось все с обычной детской мечты: маленькой девочкой она решила, что в ее жизни будет такая любовь...

П е р в ы й (Второму). А-а, которая бывает раз в тысячу лет.

Ж е н щ и н а в г о л у б о м. Да, именно в тысячу лет, и, естественно, любимым ее станет тот, кто достоин этой любви и способен на нее — такой тоже бывает раз в тысячу лет. И она ждала. И была уверена, что дождется. Выходила замуж и — ждала, меняла любовников и — ждала.

П е р в ы й (Второму). Замечательное времяпрепровождение в ожидании Любви.

Ж е н щ и н а в г о л у б о м (грустно улыбнувшись в зал и Первому). Да. И плакала ночами, много плакала...

П е р в ы й (Второму). По этой части она профи.

Ж е н щ и н а в г о л у б о м. И ждала. И, тысячелетиями бездействующая, Любовь не выдержала. Она не могла забыть своей последней встречи с людьми. Они были прекрасны, и они были достойны ее, как и она достойна их. Но ее вечная спутница позволила им быть вместе всего лишь неделю... С тех пор Любовь не бывала на земле. Да и не нужна она была там. Ее дальние родственницы: привязанность, страсть, влюбленность — вполне устраивали человечество. И жила она спокойно, уверенная в незыблемости этого спокойствия, пока не почувствовала, что ее ждут, ее зовут, причем так ждут и зовут, что нет никакой возможности не прийти. И здесь она, видимо, допустила ошибку: есть вселенские законы, которых нельзя нарушать, и никогда Любовь не являлась одна, а тут она молила Всевышнего отпустить ее без той, которая всегда сопровождала ее, без той, в чьих глазах — бездна, чье

имя — Смерть... Всевышний молчал, и Любовь, счастливая тем, что наконец-то все будет прекрасно долгие-долгие годы, поспешила на землю.

Сцена третья. Любовно-Дневная

Квартира Алексея Аркадьевича. В одном «углу» компьютерный стол, в другом — кровать. Посередине обычный стол со стульями. Музыка постоянным фоном *(песни всякие из компьютера)*. Он *(в джинсах и полурасстегнутой рубашке)* увлеченно долбит клавиатуру. Вбегает юная Анна.

А н н а. Я здесь, а никто не рад!

А л е к с е й (обернувшись к ней). Анюра, как ты тихо! *(Вскакивая со стула.)* Я и не слышал! *(Подхватывает ее, поднимая, как ребенка, на вытянутых руках.)* Нюрка-Аник-Анечка! Пришла!

А н н а. Господи, какой ты сильный! Ну поставьте же меня, Алексей Аркадьич, дайте мне ваших глаз.

А л е к с е й (он ставит ее на ноги и слегка склоняет голову. Они долго смотрят друг другу в глаза, затем он, чуть отдалив ее и продолжая внимательно смотреть, вдруг перестает улыбаться). Что я вижу!? Аник, это ужасно...

А н н а. Что? У меня выросла борода? Не пугай меня. *(Расстерянно пытается наклонить голову, спрятать от него взгляд.)*

А л е к с е й (придерживая руками ее лицо). Это ты меня пугаешь: мы вместе только две недели, а твои глаза... совсем недавно твои глаза лучились счастливой детской наивностью, а сейчас... Вместо детской наивности — женская грусть... У тебя взгляд прожившей жизнь женщины... *(Обнимает ее.)* Анечка моя... Аня... Ая...

А н н а (прижавшись к его плечу). Я не думала, что это заметно... *(Глядя ему в глаза.)* Но я в самом деле знаю больше любой ныне живущей женщины. Я знаю Любовь, ту, которая бывает раз в тысячу лет. И каждую минуту, что я с тобой, я хочу умереть, я была бы безумно благодарна судьбе, если б могла сейчас умереть.

А л е к с е й. Ну что за глупости.

А н н а (касаясь пальцами его губ). Подожди, не перебивай. Мне нечего

больше ждать от жизни, нечего. Сейчас я понимаю: очень рано я тебя встретила. Если нечего больше ждать — зачем жить? Знать, что счастье, безграничное, незаслуженное, безумное, уже было, — это невыносимо.

А л е к с е й. Анька-Аенька, глупочка. Ты меня огорчаешь. Я же...

А н н а. Я знаю. Я помню. В отличие от тебя... Ты за эти две недели сколько раз ночевал дома?

А л е к с е й (*жутким басом*). Как смеешь, дочь, так говорить со мной! Я демиург! Творец! В семье нельзя работать. И для труда мне даден сей приют.

А н н а. Ах, для труда? Считала я, что для чего другого.

А л е к с е й (*весело*). Ты сбилась. Ну, и для чего другого тоже, а мы зря время теряем.

Смеются, обнимаются, свет гаснет

Сцена четвертая. Любовно-Ночная

Та же комната. Те же лица. Она — в расстеленной кровати, приподнявшись на локте, смотрит на него. Он за компьютером, спиной к ней. Полумрак.

А л е к с е й. Анча! Ну-ка спать.

А н н а. Я сплю.

А л е к с е й. Нет, ты меня смотришь.

А н н а. Откуда ты знаешь?

А л е к с е й. Жжется. (*Смеются.*) Тебе музыка не мешает? Убавить?

А н н а. Не-е.

Сцена пятая. Еще ночнее

Все то же. Музыка — тихо. Она спит. Он сидит спиной к компьютеру, локти на спинке стула. Смотрит на нее. Через какое-то время она во сне меняет положение руки, он быстро разворачивается к монитору. Затем оглядывается, видит, что она спит дальше, садится по-прежнему и опять смотрит на нее.

Сцена шестая. Любовно-Праздничная

Та же комната, что в третьей сцене, плюс еще одно компьютеризированное рабочее

место. Посреди сцены празднично накрытый стол, на полу у стола — ведро с розами. Музыка поет. Он переставил что-то на столе, оглядел комнату, унес за кулисы ее домашнее платье, висевшее на спинке стула, поправил на себе галстук, расстегнул пиджак. Посмотрел на часы. Ходит по комнате. Застегнул пиджак. Щелкнул замок входной двери.

А н н а (*выходя из-за кулис*). Я пришла.

А л е к с е й (*обнимая ее*). Наконец-то. Что так долго сегодня?

А н н а. Да пропущенную, по вашей, кстате, милости, пару отработывала.

А л е к с е й. Это у Смирнова?

А н н а. Ага.

А л е к с е й (*деланно строго*). И каким же ты образом отработывала?

А н н а. Каким? Конспектирующим в читальном зале всякую хрень — во каким! (*Увидев из-за его плеча комнату.*) А-а!? Ал Аркадьич, что у нас? Ты закончил сборник?

А л е к с е й. Нет. Значительней.

А н н а. Немцы за проект заплатили?

А л е к с е й. Ну-у. Куда значительней.

А н н а. Я не знаю тогда... Не томи, а!

А л е к с е й. Я томить? Давай скорей. Шампанское нагревается. (*Подходит к столу, поднимает ведро с цветами.*) Это тебе.

А н н а. А-ах, Ал! (*Нюхает розы, трогает их, прикасается лицом, губами.*) Ал, за что?

А л е к с е й (*поставив ведро на прежнее место, усаживает ее к столу*). «За что», говоришь? (*Открывает и наливает шампанское.*) Значит, за что? (*Подает ей бокал и поднимает свой.*) За тебя. (*Звонко «чмокаясь» стеклом о стекло.*) За этот день год назад. Все последующие реплики сопровождаются питием.

А н н а. Я не смела даже мечтать, что ты помнишь.

А л е к с е й. А я не смог бы забыть, даже если бы очень захотел. (*Целует ей руку.*) Я ни с одной женщиной не встречался больше месяца. За исключением, конечно, жены, но в нее я даже влюблен никогда не был. Не смотри так, правда. Женился для полноты, так сказать, социального статуса — молодой перспективный ученый должен быть женат, я

и выбрал добрую, умную, порядочную, для которой домашний очаг — святыня. Она ведет хозяйство, она прекрасная мать, она знает свое место: никаких претензий, обид и требований с ее стороны нет и не может быть.

А н н а. Ужас какой, никогда не думала, что быть доброй, умной, порядочной и к тому же хозяйственной такое несчастье.

А л е к с е й. Ну почему же, она счастлива по-своему. И поверь мне, многие бы желали оказаться на ее месте.

А н н а. Ал Аркадьич, вы себе льстите.

А л е к с е й. Отнюдь.

А н н а. Да я шучу. Я знаю. Хотя мало понимаю, в частности, наших академических теток. Впрочем, ту часть их, которая тебя ненавидит, — понимаю прекрасно.

А л е к с е й. Это меня-то ненавидят?!

А н н а. Еще как, только скрывают — боятся. Конечно, уважают за всевозможные таланты, может, еще из-за этого скрывают, хотя больше все-таки боятся.

А л е к с е й. Ну вообще-то и правильно делают, в отличие от некоторых дерзких девочек.

А н н а. Что за девочки? Почему не знаю?

А л е к с е й. Знаешь-знаешь. Я, между прочим, чуть не прекратил домогаться вашей юной иронично-саркастичной персоны, сочтя это совершенно безнадежным.

А н н а. Даже так. Так почему же не прекратил?

А л е к с е й. Только из любви к экспериментаторству: случай беспрецедентный — обычно и ухаживать не приходится. Ну и воля к победе имела место. Но полгода счастливейшей жизни мы, по вашей милости, потеряли.

А н н а. А что ты хотел от студентки-лаборантки? Ходит красивый, умный, надменный, изводит окружающих ехидными шуточками и всем видом своим внушает людям, что в лучшем случае они тупицы, а в общем — дебилы.

А л е к с е й. Ну уж ты-то явно себя таковой не ощущала.

А н н а. Не обо мне речь. А о том,

что ты человек некачественный, даже, прости, дерьмовый человек.

А л е к с е й. Спасибо, конечно, я, значит, тут празднику радуюсь, а ты...

А н н а. А я снимаю с себя незаслуженное обвинение в потере счастливого времени. И ты меня перебил: еще я эти полгода только и слышала рассказы о твоих многочисленных любовницах, да издевательства типа: «Леночка, это вы у меня вот эту сережку обронили? Нет? Значит, Юля или... а кто же еще-то был...». Еще слышала, что ты на ученом совете просил избавить тебя от работы с Марковой «по причине ее абсолютной бездарности» Ты же с ней спал. Как так, а?

А л е к с е й. Ну, значит, плохо спал или, наоборот, хорошо: крепко и долго — и все это в рабочем кабинете и в рабочее время. (*Сильно смеется.*)

А н н а. Сволочь. Вот такой ты и есть.

А л е к с е й. Только не для тебя. Ты сама определила и запрограммировала мое отношение к тебе.

А н н а. Как это? Когда?

А л е к с е й. Нашим первым утром. Это была твоя первая фраза. Помнишь?

А н н а. Не-а.

А л е к с е й. Ты сказала: «Я надеюсь на вашу порядочность». И все, черт возьми, как приговорила — никто никогда не надеялся, больше того, никто и не предполагал наличия оной у меня, да я и сам опешил, но ты так убедительно это сказала, и глаза у тебя такие доверчивые были... Меня как током прошило, и с той минуты я знал, что я раньше сдохну, чем тебя разочарую.

А н н а (*обнимая его*). Ты меня шокируешь. (*Сделав серьезно-торжественное лицо.*) «Знать, была-таки у него душа, никто и не подозревал. А как преставился, отошла душа, так и оказалось, что все-таки была» — или что-то вроде того. А еще... какой же ты... (*Глядя на стол и цветы.*) Мужчины никогда не помнят таких праздников. Дату свадьбы и то могут годами запоминать.

А л е к с е й. Откуда тебе знать, если у тебя никогда не было мужчины.

А н н а. Ну, обижаешь, в основном, конечно, моральные уроды, но муж был золотой души.

А л е к с е й. Ага. Да твой муж вместо

того, чтобы отпускать тебя через год совместной жизни, должен был тебя убить, впрочем, как и всякий из твоих любовников.

А н н а. Вот те раз! Это почему же?

А л е к с е й. А чтобы никому не досталась. Чтобы не была. Ты сейчас совсем молода, но еще немного, и из тебя вырастет очень опасная женщина, даже, я бы сказал, смертельно опасная.

А н н а. И теперь ты должен меня убить?! Вот здорово. Я была бы беспрельдно счастлива и бесконечно тебе благодарна.

А л е к с е й. Глупости. Мне незачем: я не собираюсь быть без тебя.

А н н а. А как же ты...

А л е к с е й (*не дав ей договорить*). У нас не получится иначе — если я тебя отпущу — мир рухнет.

А н н а. Даже так? Хотя ты, наверное, прав — не отпускай. За мир я пострадаю с удовольствием. (*Смеются, целуются.*) А мы всегда теперь будем разговоры разговаривать?

А л е к с е й. Еще раз вопрос, пожалуйста.

А н н а. Ну-у, в смысле... это я к тому, что мы в первый раз обсуждаем дела давно минувших дней и просто вечнозакрытые темы: типа твоей семьи и меня.

А л е к с е й (*очень сильно смеется*). Это ты — вечнозакрытая тема?!

А н н а. Да, ты мне доброго слова, ну чтобы серьезно и обстоятельно, никогда не сказал. И вообще я думала, мы всегда будем общаться исключительно ямбом («громовым пятистопным», разумеется) или стилизациями под Маяковского. А ты вдруг «за жись» — дивлюсь я на тебя сегодня.

А л е к с е й. Я пытаюсь брать с тебя пример.

А н н а. Не надо с меня ничего брать, у меня «нетука».

А л е к с е й. У-у, еще сколько! Ты удивляешь меня непрерывно и, судя по всему, это неиссякаемо. Я желаю соответствовать...

А н н а (*недослушав*). Тогда расскажи про своего сына. Сколько ему лет? Пять? Шесть? Он похож на тебя?

А л е к с е й. Да что про него рассказывать — он меня огорчает. Он белый, представляешь? Белый, как мать его.

Вот у нас с тобой будут очень красивые малыши.

А н н а. У нас ожидаются малыши?

А л е к с е й. Всенепременнейше! Вот только мой херувим повзрослеет.

А н н а. Так я уже старая буду...

А л е к с е й. Нет, у него голова хоть и белая, но моя, он рано повзрослеет.

А н н а. Он тоже гений?

А л е к с е й. Ну, зачем так громко — гений? Просто я — не дурак, а он — очень не дурак. Кстати, мальчик рисует неплохо, и что забавно, все женские рожицы — как с тебя списаны. Я когда это заметил — тотчас облез, вот просто взял да облез. Причем рисунки-то были разных, так сказать, лет. Я сначала тупо решил, что ему мои сны снятся, а потом старые рисунки посмотрел (он с двух лет рисует) — те же личики.

А н н а (*свежившись, как от холода*). Ну и кому чьи сны снятся? Ал, что за психологический триллер? У меня мороз по коже... и волосы, похоже, шевелятся.

А л е к с е й (*глядя ее по голове*). Нет, волосы в порядке. А мороз и у меня. Хотя я давно уже решил не удивляться этому отроку — мозги заклинит. (*Молчат.*)

А н н а. А где они живут?

А л е к с е й. В пригороде — там воздух чище, да и отсюда подальше. Очень удачно я когда-то коттедж прикупил.

А н н а (*почти с восхищением*). Ну до чего ж сволочь!.. (*Задумчиво ковыряя что-то вилкой.*) А как ты объясняешь дитю свое отдельное проживание?

А л е к с е й. Он знает, что я много работаю. Что и по ночам работаю, и по выходным. Правда, до тебя я редко не ночевал дома.

А н н а. Ага. И любовниц домой возил.

А л е к с е й. Для любовниц существует рабочий кабинет.

А н н а. Этот?

А л е к с е й. Да Боже упаси. За пределы академии барышень никогда не выводил. А здесь только работал... и, видимо, ждал тебя.

Сцена седьмая.

Любовно-Хронологическая

В полнейшей темноте громко тикают часы. Свет. То же и те же, что в предыдущей сцене.

Чокаются бокалами. — Два года. Снова темно, снова часы. Снова чокаются. — Три года. И так до шести.

Сцена восьмая.
Любовно-Проблемная
(или Ругательная)

Все как в сцене четвертой (Любовно-Ночной): та же расстеленная кровать. Она (только теперь двадцатисемилетняя, как и во всех последующих сценах) так же, приподнявшись на локте, смотрит на него, он за компьютером, спиной к ней.

А л е к с е й. Анча, ну-ка спать.

А н н а. Я сплю.

А л е к с е й. Нет, ты меня смотришь.

А н н а. Откуда ты знаешь?

А л е к с е й. Жжется. Если не спится — прыгай сюда, я тут у вас с профессором косяк нашел.

А н н а. Где?

А л е к с е й. В последнем сборнике.

А н н а. А-а. Ну ему и скажи. Меня уже этот сборник обездвижил и обескровил.

А л е к с е й. Сама виновата. Работала бы со мной — тоски бы не знала. Давай я тебя заберу, а? Мы вместе такую мощь двинем!

А н н а (*раздраженно*). Нет, и это не обсуждается. Ты двигаешь свою мощь, а мы планомерно и методично развиваем свою немощь. И вообще, я хочу в декрет.

А л е к с е й (*встает, подходит к кровати, присаживается рядом с отвернувшейся от него Анной, берет ее за руку*). Аник, давай пока не будем об этом.

А н н а (*отдернув руку, садится, затем заворачивается в одеяло, встает и в дальнейшем ходит по сцене*). Мы уже седьмой год об этом не бываем. А я старюсь, не смейся! старюсь быстрее, чем растет твой сын. И не это главное. Я просто дико хочу дите, а родители мои хотят внука тетешкать, от брата они вряд ли дождутся, а чего ты ждешь, я не понимаю.

А л е к с е й. Анюр...

А н н а. Молчи. Я бы давно уже родила, пожила бы у родителей и вернулась к тебе.

А л е к с е й (*резко*). Сама-то поняла, что сказала? А я бы где был тем временем?

А н н а. Ты бы работал и ждал меня.

А л е к с е й. Зашиби-ись...

А н н а. А по-другому никак.

А л е к с е й (*нервно*). Чушь какая... (*Спокойней.*) Мой смысленый мальчик досрочно заканчивает школу, я сразу же развожусь (*ласково*), и мы с тобой незамедлительно заводим кучу очаровательных...

А н н а (*гневно перебивая его*). Не надо! Тебе не нужен никто!

А л е к с е й. Возражаю.

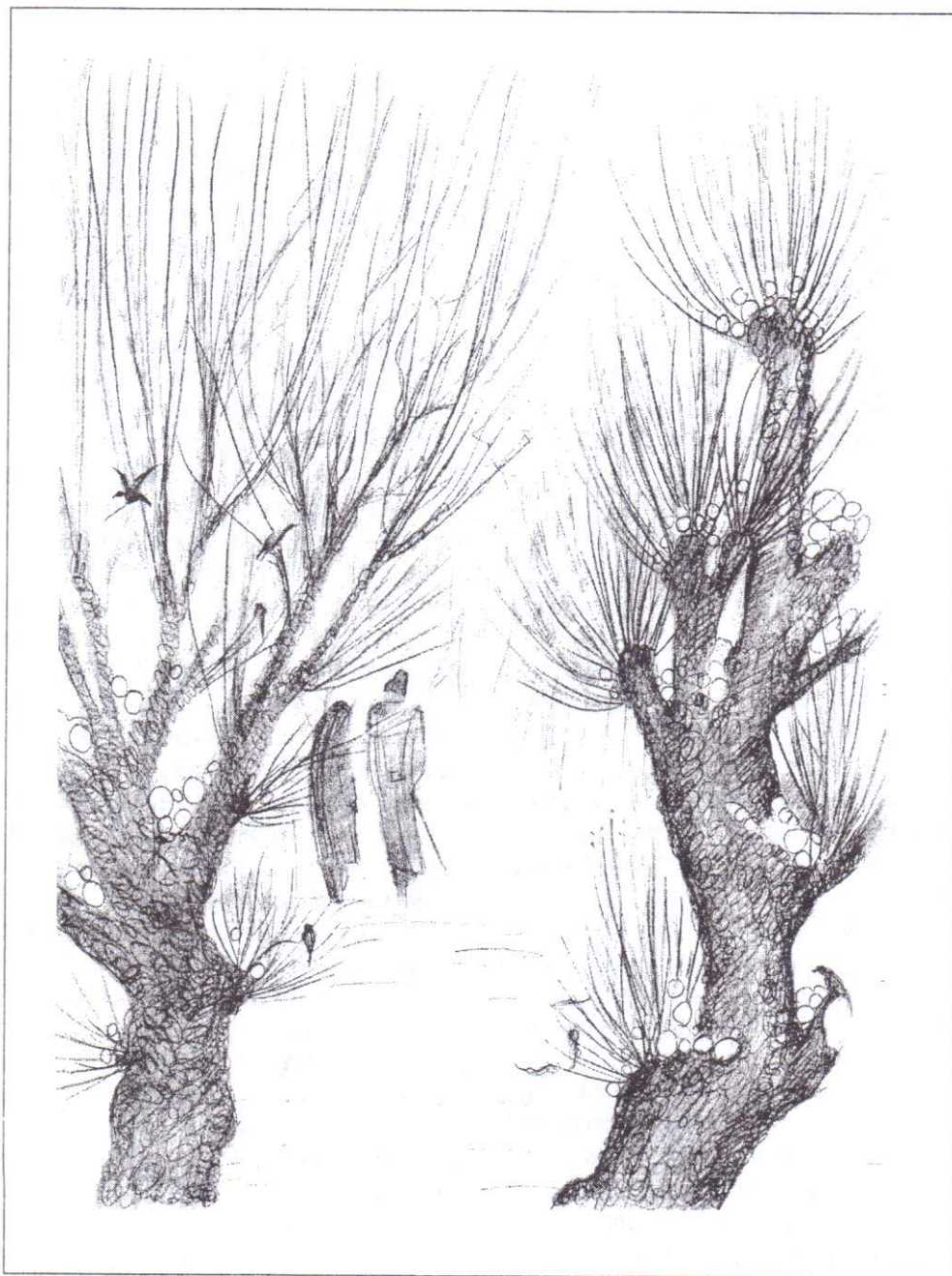
А н н а. Не принимается. Где твой сын? Чем он хуже того, который может быть у нас? Ты же бросил жену и сына! И если ты когда-нибудь посмеешь сказать о разводе своей несчастной жене — ты для меня скоропостижно скончаешься!

А л е к с е й (*негромко, но очень внушительно*). Хватит орать. Ты не права. Я люблю сына, я уважаю жену, но без тебя я не могу. И у меня болит сердце за тебя, и я чувствую себя виноватым, живя так, как теперь. У женщины должна быть своя семья — у тебя она будет.

А н н а. Ага, и буду я с «моей семьей», а ты съедешь на другую квартиру, чтобы спокойно работать.

А л е к с е й. Я же сказал: я не могу без тебя.

А н н а. Да о чем мы говорим?! Или мы будем жить так, как живем, только у моих родителей будет внучонок, или — другого «или» быть не может... Сердце у него болит за меня, хм. А за жену не болит? Меня все эти годы душит чудовищная, непосильная вина... Как она это терпит... Но у нее есть ваш сын, ваш дом, есть ты, приезжающий на выходные, есть твое место за вашим семейным столом. Ты не понимаешь, как она тебя любит? А когда сын закончит школу — нате! Ни молодости, ни сына (*он же не останется жить у черта на куличках*), ни мужа — спасибо, дескать, за услуги, вы свободны... Так нельзя. Ты не посмеешь ее оставить и будешь ездить домой чаще. Только так мы сможем жить по-прежнему. Но сначала я хочу ребенка. А еще хочу быть обнятой и поцелованной.

Н. Ярыгина

А л е к с е й (обнимает, целует ее). Ты меня недоволишь.

А н н а. А ты меня.

А л е к с е й. Давай забудем этот разговор. А плановую вязку отсрочим на время. (Удерживая попытавшуюся вырваться из объятий Анну.) Ну прости, ну неудачно пошутил. Но у меня в самом деле от одной мысли сердце болит...

А н н а (отвернувшись). Хорошо, будем беречь твоё сердце. А для своих персональных нужд я поищу мужчину без подобных проблем со здоровьем.

А л е к с е й. Тоже выход. (Идет к рабочему месту, садится.) Ты спать будешь или поработаешь?

А н н а. Я буду Мальбруком, который в поход собрался.

Он работает, она уходит за кулисы, возвращается не по-домашнему одетая, с сумкой на плече.

А н н а. Ал.

А л е к с е й (обернувшись и увидев ее, встает) Ты что? Bravo- bravo! Семейная сцена удалась на славу. Особенно хорош выход из-за печки. А теперь предлагаю запомнить сегодняшней день и внести его в праздничный список — повод наиболее убедительнейший, ты сегодня в первый раз скандалила как баба. Поздравляю. (Пытается ее обнять.)

А н н а. Хватит юродствовать. Вызови такси. Примерно через год вернусь. Если на работе хоть раз подойдешь не по делу — уволюсь.

Он тяжело опускается на стул, стоящий у стола, и, уткнувшись подбородком в сцепленные пальцы, растерянно смотрит на нее.

Сцена девятая.

Любовно-Табачная

Та же комната. На столе полная окурков пепельница. Кровать застелена, но измята. Появляется Анна, повесив сумочку на спинку одного из стоящих вокруг стола стульев, осматривает комнату. Расправляет покрывало на кровати. Взяв перегруженную пепельницу, уходит с ней к кулисам, возвращается с пустой и ставит ее на прежнее место. Садится у стола, достает из сумочки сигареты, закуривает. Щелкнул дверной замок. Слышны голоса.

Сергей Степанович. Может, все-таки лучше в больницу?

А л е к с е й. Нет-нет, спасибо, Сергей Степаныч, я в порядке уже.

А н н а (положив сигарету в пепельницу, уходит со сцены). Здравствуйте.

А л е к с е й. Ая?!

Сергей Степанович. Анечка уже здесь, тогда я спокойно удаляюсь. Всего доброго, Алеша.

А л е к с е й. Спасибо, Сергей Степаныч. До свиданья. (Выходит на сцену, снимает пиджак, бросает его на стул, садится у компьютера, спиной к монитору.)

Сергей Степанович. Анна Владимировна, не оставляйте его, пожалуйста, он нас так напугал. А в больницу наотрез отказался ехать. Вы уж извините, голубушка, что я вас потревожил, за бестактность мою, но...

А н н а. О чем вы, Сергей Степаныч? Спасибо, что позвонили. За все спасибо.

Замок щелкает опять. Анна возвращается, садится у стола, гасит еще тлеющую сигарету, смотрит на него, сидящего с опущенной головой. Долго молчат.

А л е к с е й. Ты закурила...

А н н а. Да так...

А л е к с е й. Я тоже.

А н н а. Я заметила...

Сцена десятая.

Любовно-Эмоциональная (Обвинительная)

Продолжение предыдущего диалога.

А н н а. Ты крепко профессора разволновал. Что это было?

А л е к с е й. Да-а, ерунда. Это теперь привычно.

А н н а. Что «э то»?

А л е к с е й (медленно, по-прежнему не глядя на нее). Я сначала подумал, ты сама пришла, а оказалось, он тебя звонил. Жаль. (Опять молчат.) Где ты была?

А н н а. В отпуске очередном, в отпуске без содержания, потом дома адаптировала пару иноземных работ.

А л е к с е й. Забавно, но я даже не знаю, где ты живешь, смешно, правда?

А н н а. Угу. Обхохочешься.

А л е к с е й. И телефонным звонкам ты недоступна.

А н н а. Телефон мне был не нужен, как ни странно. У меня еще домашний есть, которого ты, кстати, не знаешь тоже — еще раз смешно.

А л е к с е й. Где ты была?

А н н а. К родителям ездила, потом дома, с братом.

А л е к с е й. Где ты была?

А н н а. ?

А л е к с е й. Где ты была?

А н н а. Пожалуйста, успокойся! Я боюсь, ты нездоров — пожалуйста, не нервничай! *(Подходит, пытается обнять его.)*

А л е к с е й *(резко встает, далее по ходу действия ходит, садится, машет руками и пр., т. е. совершает различные телодвижения, соответствующие потоку эмоций)*. Я не знал, где ты. Я боялся спросить, где ты. А тебя просто не было. А я не знал, как без тебя жить, я и сейчас не знаю, как без тебя жить! И сейчас я не знаю, как жить с тобой. Я теперь — абсолютный урод, ты сделала из меня абсолютного урода. Лучше б ты умерла во младенчестве — таких, как ты, надо топить в ведре, как только родятся! Я все это время ждал тебя, а тебя не было, и я так хотел, чтоб ты умерла, чтоб не была, и я бы мог спокойно жить дальше. Что ты со мной сделала?.. Я не могу работать: наука сдохла у нас, сдохла в соседних регионах, главного пытается министерство: «Почему так?», он, естественно, пытается меня, а мне нечего ему сказать, потому что я не могу сказать, что мне насрать на все, что я не могу писать всяким дебилам докторские и кандидатские, делать за них же открытия, придумывать изобретения и заниматься прочей херней, когда от меня Ая ушла. И любимому нашему профессору я не могу сказать: «Извиняйте, Сергей Стыпаных, Аюра ушла, «кина не будет». Да это ерунда, это что! Я же, бл... теперь плачу, ага, плачу, как... Я пою-пляшу-всех веселю на нескончаемых банкетах, и ка-ак сердце сожмется: где моя Ая? — и бегу я в какое-нибудь заголье и рыдаю, как... Если трезвый — тихо плачу: просто слезы текут, сами текут да текут, а если выпью — рыдаю. Урод! Так и этого мало! Меня воротит от женщин, от запаха их духов, особенно от запаха их волос — от любого чужого запаха! От их лиц, даже самых красивых. Я из-за

этого уезжал в командировку, думал, обстановка сменится — забудусь, пытался найти себе подругу — ну куда там! Как только случится момент объятий и поцелуев, я впадаю в недоумение: почему нет родинки над бровью, где крохотный шрам у подбородка и зачем так близко от меня эта чужая женщина — невкусная, нежеланная, никакая не Ая. «Простите, Вас не надо», — говорю и ухожу плакать. Урод!

А н н а *(тихо)*. Ты говоришь то, что могла бы сказать тебе я — все точно так же.

А л е к с е й. И это что — любовь?! Я не знаю тогда, что такое любовь! И на хрена такая любовь, если она сделала из нас уродов!

А н н а *(подбегает к нему, гладит его по щекам)*. Ал, не плачь, пожалуйста, родной мой, не плачь, это не любовь, я не знаю, что это, но это пройдет, должно пройти. *(Едва сдерживая слезы, пытается говорить бодро.)* Давай сядем и успокоимся, и все пройдет. *(Вместе садятся на край кровати.)*

А л е к с е й *(уже спокойно)*. Не знаю... Я как-то проходил по нашему скверу, и вдруг мне так явно — запах, твой. Стало хреново, сел на скамейку, какие-то люди подошли: «Вам плохо? Может скорую вызвать?» — «Нет, спасибо, все нормально». И тут бабулька — древняя-древняя, вся ссохшаяся, подходит, а глаза такие, будто всего насквозь видит: «Э-э, сынок, не сердце у тебя болит — душа плачет, это, милый, любовь, знать. И сколь ни гони — не прогонишь. А ты и не гони, прими дар Божий...» Да в гробу я видел такие подарочки. *(Молчат.)*

А н н а. Прости меня.

А л е к с е й. И ты меня. *(Спустившись с кровати, стоит на коленях, обнимает ее, она гладит его по голове, перебирает волосы.)* Ты больше не уйдешь?

А н н а. Нет. Ни-ку-да я не уй-ду... Ни-ког-да... Давай тебя спать уложим, а?

А л е к с е й. Давай. Ая, а я без тебя ни разу в постели не спал, только в одежде и не расстилая — не мог спать вполтела, как в песне.

А н н а *(стягивая покрывало)*. То-то я как пришла, смотрю: вместо кровати — катук свинячий.

А л е к с е й. Как-как?

А н н а. Катук свинячий. Нравится?

А л е к с е й. Еще бы!

Сцена одиннадцатая. Любовно-Постельная

Полумрак. Обстановка — та же. Те же, сидят в постели обнявшись. Он прячет лицо в ее волосах, она пытается отстраниться и разглядеть его (в смысле — лицо).

А н н а. Ал, дай-ка харизму! Ну посмотри же на меня!.. Ты плачешь опять... Почему, а?

А л е к с е й. Вот еще! Просто в глаз попало что-то.

А н н а. Угу. Ну скажи, что? Весь этот месяц я чувствую себя свежееплакиваемой покойницей.

А л е к с е й. Тьфу ты! Кучу типунов тебе!

А н н а. Ну сейчас, например, у меня мокрый висок и ухо.

А л е к с е й. Это слюни.

А н н а. Спасибо. Никогда не знала за тобой этой слабости — пускать слюни мне в ухо.

А л е к с е й. Ая... Мне так грустно. И тревожно. И... может, лучше бы ты замужем была, что ли, или бы не было тебя, а так... Я, кажется... Не знаю, как объяснить, но каждую минуту я думаю, что вот этого больше не будет: допустим, сейчас мне было скверно оттого, что скоро утро, и что будет уже завтра, и что все кончится.

А н н а. Что кончится?

А л е к с е й. Ну вот это кончится: мы тут сидим — вот ты, обнятая, я сердечко твое чувствую, волосами дышу: чувствую и дышу, чувствую и дышу... И не хочу, чтоб это кончалось. Потом ты говоришь: «Ал, дай-ка харизму», а я уже чувствую, дышу и слышу, и еще больше не хочу, чтоб кончалось, — не хочу, чтоб ты отдалилась хоть на сантиметр, не хочу вдыхать комнату вместо тебя. А утром оторваться от тебя и встать, и что-то делать — это уже апокалипсис. И получается, что половину жизни я сейчас провожу, переживая этот самый апокалипсис.

А н н а. Странно как: я об этом плакала с первых дней нашего знакомства, но только под душем — мне было стыдно своей слабости, а ты такой сильный,

Ал, ты же такой сильный!... Как я ненавижу этот проклятый бульдозер.

А л е к с е й. Аечка, ты засыпаешь? Какой бульдозер?

А н н а. Тот, который пропер по нам, по жизни моей и твоей, походя смел с обочины твою семью, и хорошо бы нас — насмерть, нет, оставил калеками. За что? Зачем?.. Господи! Если ты есть — избавь нас!

При постепенно тающем до полной темноты свете, тихим эхом звучит:
— Избавь нас.

Сцена Двенадцатая. Резюмистическая

Декорации, действующие лица и их положения те же, что в конце Сцены второй (Повествовательной). Двое мужчин продолжают слушать любовную историю.

Ж е н щ и н а в г о л у б о м. Это длится уже несколько месяцев. Любовь, ну та самая, которая раз в тысячу лет, бродит ненужная, проклинаяемая, и уйти не может — нельзя ей уйти, она пыталась, но на небе не приемлют незаконченных дел и невыполненных миссий... А с людьми, оказалось, так все непонятно: зачем ее звали? Почему она не нужна теперь? Она так надеялась дать им долгое-долгое счастье... В чем она ошиблась?

П е р в ы й. Что-то я не понял, в каком месте здесь любовь, ну та самая, о которой было заявлено? А этот кобель...

В т о р о й (Первому). Не надо. (Поднявшись, обращается к Женицине в голубом.) А могло случиться так, что Анна ошиблась? Ну, не тот объект для чувств выбрала? Да и, может, немного рано? Может, она еще не готова была — вот и не хватило сил?

Ж е н щ и н а в г о л у б о м (в меру горестно). Вы меня спрашиваете? Откуда я знаю. Я уже ничего не понимаю. Совершенно ничего не понимаю. Простите.

Сцена тринадцатая. Родственная

Один из Двоих (в дальнейшем будет обозначен как «Брат») сидит в кресле, на столи-

ке — бутылка вина и бокал. (Он трет рукой лоб и лицо, оглядывается по сторонам.) Ну дела... Нюрка! Нюра!

Входит Анна.

А н н а (чмокнув его в висок). Привет! Ты что это пьешь с утра и один? Я думала, ты спишь.

Б р а т. Привет-привет. Уснешь тут. Димка ушел только в начале девятого.

А н н а. Что-то записывали или пьянствовали всю ночь?

Б р а т (встает, уступив ей кресло, и ходит по сцене). Не-е, пьянствовать — это не мы. Мы электронный вариант писали на пробу, потом спорили до утра: он про это орет — супер! — а мне больше акустика нравится. А потом только он ушел — ты пришла и давай плакать у себя в комнате, а я, значит — спи спокойно.

А н н а. Ну конечно же, я все бросила и пришла сюда поголосить: исключительно с целью помешать гениальному братцу почивать после всенощной.

Б р а т. Гениальному не гениальному, это тебе виднее, а другой причины явления тебя субботним утром в сию обитель я не нахожу. Вина хочешь?

А н н а. Ф-фу, пойдем лучше чайкофе пить.

Б р а т. Анька-вредина, это на кофе-чай — ф-фу. Ты насовсем?

А н н а. Нет, погостить.

Б р а т. А что так? Все бы ты гостила — нет чтоб похозяйничать. Я вот подумал, может, тебе лучше тут жить? Он же из тебя всю душу вытянул... Я просто за тебя беспокоюсь.

А н н а. Насколько я помню, ты никогда ничем подобным не страдал.

Б р а т. А теперь страдаю, и я в самом деле очень за тебя беспокоюсь. Ты никогда не говоришь, где ты живешь, с кем ты живешь, как ты живешь и почему ты до сих пор не...

А н н а. Достаточно! Во-первых, ты никогда не задавал мне подобных вопросов, даже в моей юности, когда их ой как следовало задавать, а во-вторых, я счастлива и не лезьте ко мне! Никто.

Б р а т. Нюр, не злись, пожалуйста. Просто какое-то у тебя счастье странное, и мама с папой за тебя переживают, да и у всех их ровесников внуки уже в школу давно ходят.

А н н а. Вот ты их внуками и порадуешь, ты меня старше, ты — сын, продолжатель рода, вот и держай. А моих детей отец на войне погиб...

Б р а т. Ты не в себе?

А н н а. В себе. И ничего тут удивительного: если наше государство уже много лет целенаправленно истребляет молодых, сильных, здоровых мужчин, значит множество молодых женщин не становятся их женами и не рожают их детей. И я уже говорила об этом родителям: мой был — спецназовец... И вообще, что вас не устраивает? Дочь и сестра не наркоманка, не проститутка, даже не тупица, а хорошая, смышленная, добрая и так далее.

Б р а т. Анна, я, конечно же, безумно рад, что ты не наркоманка, и все-таки — не будь Карениной — не грузись, а. Я тебя прекрасно понимаю, но зачем впадать в крайности: ну и что с того, что у твоего мужчины случилась до тебя семья, если он лю...

А н н а. И ты, Брут-Брат? Не надо, я тебя прошу! При чем здесь его семья? Да я рада, что у него семья и что мне не нужно выдумывать причину, для того чтобы оставить все как есть.

Б р а т. Не понимаю.

А н н а. Что тут непонятного? Вот ты почему не женился на своей Елене Прекрасной? Почему?

Б р а т. Ну ты сравнишь тоже! Мы с ней и не жили вместе никогда, только встречались. Я слишком ее любил для того, чтобы променять жизнь-свидания на жизнь-разочарование. Меньше всего хотелось, чтобы любимая пахла плюшками и борщом, чтоб она брюзжала: «Вынеси мусор. Опять не закрыл зубную пасту. Что здесь делают твои брюки? Надо помочь маме на даче» и тому подобное. А вы уже сколько времени живете вместе — значит, вы как-то избежали подобных проблем.

А н н а. Во! А я что говорю?! Нам и не надо ничего избегать — я любовница. Он, как и в первое утро, приносит в постель кофе с мороженым, он все-все делает сам и при этом боится что-либо сделать не так — я же могу в любую минуту уйти. Пока я любовница, я буду его Музой, его Вдохновением, его Счастьем, а стань я его женой, я быстренько сделаю Мебель — предмет обстановки

и быта. И при этом он, конечно, будет меня любить, как неотъемлемую часть себя, может даже, как свое сердце или мозг, а Музу, Счастье и Вдохновение ему придется искать заново. И что тут непонятного... ну не хочу я быть Мебелью. Его мебелью. Может быть, чьей-нибудь другой смогла бы, но не его.

Б р а т. Случай клинический. А что если тебе попробовать присмотреться к другим мужчинам, уверяю тебя, среди них есть абсолютно нормальные, способные вдохновляться и...

А н н а (смеясь). Как ты, например?!

Б р а т. Я — нет, я, к сожалению, ненормальный.

А н н а. А я, к сожалению же, люблю ненормальных, и очень этим довольна: обожаемые мной мужчины — оба гении, ну, если и не гении, то как минимум чрезвычайно талантливы. А посему...

Б р а т. Прости, а кто второй?

А н н а. Не скромничай.

Б р а т. Не смею в это поверить. (После паузы.) А все-таки, если попробовать...

А н н а. Абсолютно бесполезно. Я же вот как-то пыталась, в этом году, и мне казалось, что тебе это очень не понравилось. Если мне не изменяет память, то когда я звонила предупредить, что остаюсь на дому у «тяжелобольного», ты облегченно выдохнул в трубку: «Слава Богу».

Б р а т. Еще бы, кому бы это понравилось? Ты же на себя не была похожа, мне казалось, что ты можешь...

А н н а. Ну-у, нет. Впрочем, хотелось, но... Маму с папой жалко, да и тебя: как ты им должен будешь сказать...

Б р а т. Вот дурак, зря боялся, и ты тоже добрая, хоть бы уведомила, мол, не волнуйся, суицидов не будет.

А н н а. Ты не спрашивал.

Б р а т. Да. Ну что поделаешь — урод.

А н н а (собираясь плакать). Не надо про уродов. (Отворачивается.)

Б р а т (обнимая ее сзади за плечи). Анечка, ну не надо...

А н н а. Прости, я такая кислятина стала. Но сил нет больше. (Поворачивается, плачет ему в рубашку.) Я чувствую себя последней сволочью, потому что я все еще живу, потому что из-за этого сильный, высокомерный, самоуверен-

ный мужчина, мой мужчина, стал размазней и неврастеником. Что мне делать, если он хочет, чтоб меня не было: умерла ли, замуж ли вышла — неважно, а я не могу ни того ни другого. Для меня мужчин не существует, ощущение такое, будто я влюбила за всю жизнь, причем не только свою, а за жизни тысячи женщин. И, черт возьми, как бы я могла быть счастлива...

Б р а т. Господи, да что это у вас за страсти-то такие, совершенно африканские? Только кажется мне, что ты еще встретишь того, кто достоин твоей любви, а сейчас ты просто ошиблась, раз у твоего избранника не хватило сил — значит, не для него это... (Она едва слышно что-то мычит и отрицательно мотает головой, он гладит ее по затылку.) Ну успокойся, поехали-ка лучше в парк — сегодня как раз дождь, помнишь, как в детстве: ни народу, ни очередей — все аттракционы для нас.

А н н а (неожиданным для нее, далеко не изящным жестом, вытирает рукавом щеки и нос). Мама с папой, кстати, это чаще всего вспоминают: наши дождливые выходные в парке.

Б р а т. А тебе не кажется, что они по городу скучают, может, они зря уехали? Может, им стоит вернуться?

А н н а. Не, они скучают по прошедшей жизни, по молодости своей. У них сейчас отдушины никакой нет: ну завели собачек-кошечек... А как с ними, с хвостатыми, сюсюкают — плакать хочется. Внуков бы им... (Грустно вздыхает.) Ну, в парк так в парк.

Б р а т. Сегодня в парк, а завтра...

А н н а. Лучше не говори, завтра я тебя покину. Просто я по ночи сподвигла Лучезарного на «родительский день», а он с утра занедовил: начал про осадки, которые на него накапают мокро, вспомнил про доброго хозяина, позавидовал собаке этого самого хозяина, в ответ мне пришлось отбыть на «сестрин день» — он без меня все равно в доме не останется, хошь не хошь поедет семью радовать, что и требовалось. За это ему обещан воскресный праздничный завтрак в моем исполнении, которому он будет аккомпанировать на «Флейте-позвоночнике».

Б р а т. Замечательно как!

А н н а. Да уж. Ну, я пошла собирать-

ся на прогулку. Жду вас в коридоре. У зеркала. Через пятнадцать минут.

Четырнадцатая Сцена — Парк

Идет дождь. Капли звонко скачут по листьям деревьев. У неработающего колеса обозрения Анна с зонтом, смотрит то на колесо, то в сторону, откуда должен появиться ее брат, в это время с другой стороны подходит юноша — белокудрый Мальчик без имени, останавливается около Анны, тоже смотрит на колесо.

Мальчик без имени. А запустят сегодня?

Анна. Не знаю. Братец ушел хлопотать. Мальчик, идите под зонт, будем вместе ждать.

Он подходит — оба под зонтом.

Мальчик без имени. Спасибо. Только можно я буду держать? *(Берет зонт из руки Анны, она, прекратив вращать головой (то в сторону аллеи, то колеса), взглянула на юношу, который, увидев ее лицо, чуть было не выронил зонт.) Ты?! Это ты?! (Жадно всматриваясь ей в глаза, он свободной рукой коснулся ее щеки.)*

Анна *(отпрянув под дождь)*. Мальчик, ты что? Ты обозначился.

Мальчик без имени *(сделав шаг в ее сторону, держит зонт над ней)*. Нет-нет, как я мог обозначиться? Это ты не можешь вспомнить меня.

Анна *(опять выйдя из-под зонта)*. Отрок, ты больной, да? Или наркоман?

Мальчик без имени. Зачем ты так? Разве я похож на наркомана?

Анна. Прости, конечно, но ты очень похож на придурка, даже возраст невозможно определить. Тебе сколько лет?

Мальчик без имени. Это не имеет значения. Хотя, если для тебя это важно, родился я тринадцать лет назад. Но это и в самом деле не имеет значения. Посмотри на меня внимательно. Пожалуйста. *(Отдает ей зонт и отходит. Она, глядя на него, постепенно опускает уже надоевший зонт за спину, а затем и вовсе выпускает его из рук.)*

Анна *(с сочувствием)*. Ты болен, да?

Мальчик без имени. Нет, я здоров. Ты видишь, что я взрослее всех взрослых, и поэтому так думаешь? Не бойся.

Анна. Я не боюсь, но у тебя такие странные глаза — они абсолютно нелепо смотрятся (и смотрят) на лице.

Мальчик без имени. Это из-за несоответствия духовно-интеллектуального и физического развития. Иногда так бывает. И я вот такой получился. Я мог получить аттестат о среднем образовании и попасть в любой существующий на планете вуз лет этак в 8-9, может быть и того раньше.

Анна *(уже как с равным, ехидно)*. Что же помешало?

Мальчик без имени. Чтобы не сомневаться — смотри мне в глаза. А помешало... Даже не знаю что. Просто смысла не видел, да и маму оставлять не хотелось.

Анна. Как это «смысла не видел»? *(С интересом.)* В чем тогда смысл?

Мальчик без имени смотрит на нее и улыбается.

Анна. Что ты замолчал? И, кстати, не возбраняется извиниться: ты ведь уже понял, что обозначился, но так и продолжаешь говорить мне «ты».

Мальчик без имени. Прости великодушно, если угодно, но я не ошибся — это действительно ты.

Анна. А-а, кажется, я начала понимать — ты вундеркинд, только сдвинутый, да?

Мальчик без имени. Нет, я не сдвинутый и не вундеркинд — слово-то какое противное... Я просто все помню. Из всех жизней. Мне всегда стыдно, когда люди удивляются или восхищаются моими способностями, талантами, умом — ни способностей, ни таланта, ни ума — у меня ничего этого нет. Я просто помню. Но как это объяснить, чтобы не выглядеть безумным, я не знаю. И поэтому мне кажется, что я всю жизнь всех обманываю.

Анна. Как это — помнишь? Разве так бывает?

Мальчик без имени. Бывает... Раз в тысячу лет.

Анна. Как же тебе теперь скучно должно быть... И твои знания пропадают? Почему ты не пользуешься ими?

Мальчик без имени. Обязательно воспользуюсь... Теперь все изменилось: я нашел тебя. Хотя сегодня утром, не зная, когда тебя встречу, я решил, что буду врачом. Сказал родителям: пора, мол, в институт, хватит олигофреничать. Стали думать, мед какого города и какой страны осчастливить моим присутствием. Отец за иноземное обучение, а мама загрустила. Потом они и вовсе разругались. А я предложил отцу выехать в город, сюда, в парк, всегда хотел попасть в парк дождливым днем, а он сказал (*понизив голос, видимо, передразнивая отца*): «Мальчик вырос, хватит его выгуливать». Я, конечно, огорчился: мы с ним так редко общаемся, а сейчас дико ему благодарен — здесь ты и я, и больше никого. (*Радостно улыбаясь*.) А ты мне веришь! И уже не боишься, что я сумасшедший!

А н н а. Я и не боялась. Только ты все равно не в себе. Я пока тебе в глаза смотрю — все нормально, а если слушаю, глядя в сторону, уверена — мальчик бредит. (*Колесо обозрения, качнув серьгами корзины, медленно поплыло*.) О! Смотри — заработало!

Мальчик без имени. Значит, сейчас придет тот, кого ты ждала?

А н н а. Да, старший брат.

Мальчик без имени. Тогда, пожалуйста, не перебивай меня сейчас, у нас очень мало времени, я должен тебе объяснить: слушай внимательно и верь всему. И смотри мне в глаза, а я буду смотреть в твои. Ты так и не узнала меня, я же помню тебя по тысячам жизней: ты и Суламифь, и Нкара, и других имен было у тебя без числа. Я всегда тебя ждал и любил, и всегда терял. В последний раз — в Афганистане, попробуй вспомнить: тогда ты была врачом, я даже не успел узнать твоего имени, я увидел тебя в госпитале и был так счастлив оттого, что понял, зачем это все и зачем я здесь. Я все ждал, когда ты придешь к нам в отделение, — ты не пришла. И больше никогда никуда не пришла... А до этого я познакомился с тобой в солнечном городе, мы гуляли целый вечер, я спрашивал, узнаешь ли ты меня, ты смеялась, а я так тебе ничего и не сказал, посчитав, что у нас вся жизнь впереди. Я проводил тебя до дома. А потом было землетрясение, и я

даже не смог понять, где в этих руинах твой дом, был твой дом... А еще раньше мы, как и в последний раз, встретились только на секунды: ты помахала мне рукой из уходящего эшелона, который разбомбили через пару часов. И так было всегда: ты погибала на всех войнах, во всех катастрофах и стихиях, от всех эпидемий и несчастных случаев... И мир рушился, а я оставался, чтобы никого никогда больше не ждать и не любить, а только помнить твое лицо. А потом, чтобы было больше чего помнить, я научился не забывать и все другие наши жизни, и научился всегда тебя ждать. Только вот изменить ничего не мог... раньше не мог. Теперь могу. Уверен, что могу. И теперь ты будешь учиться помнить и ждать — думаю, тебе хватит этой жизни. А потом мы будем всегда вместе: во всех измерениях, во всех мирах и галактиках. Ну почему ты так смотришь? Пожалуйста, узнай меня! Вспомни меня! Узнай!

А н н а (*совершенно потерянно*). Кто ты? Мне страшно, мне очень-очень страшно... Кто ты?

Мальчик без имени (*взяв ее за руки, сжимает их ладонями*). Не бойся. (*Восторженно глядя на нее*.) Как же я счастлив. И ты будь счастлива. (*Выпуская ее руки*.) Человек идет — наверное, твой брат. Бери зонт (*поднимает и вкладывает ей в руку*) и иди, и не смей не быть счастливой.

Б р а т (*подходя*). Анюта, что случилось и кто это? (*С недоумением смотрит на мокрую, с разводами туши под глазами и абсолютно невменяемую сестру*.) Нюр, что с тобой?

Мальчик без имени. Пожалуйста, быстрее уведите ее отсюда — она вся промокла, и ей нехорошо. И будьте внимательны, очень внимательны в течение следующих пяти минут. Берегите ее, как никогда, и никуда, никуда от себя не отпускайте в эти пять минут. Да идите же!

Б р а т (*сдерживая раздражение*). А ты, детеныш, откуда такой? Тебе-то чего надо?

«Детеныш» смотрит ему в глаза.
Брат Анны через несколько секунд
отводит взгляд.

Мальчик без имени. Ради Бога,

не надо ничего выяснять. Пожалуйста, уведите ее.

А н н а, осторожно ступая, медленно уходит, ошеломленный брат держит ее под руку.

Б р а т. Нюр, ну что с тобой? Кто это был? Это сумасшедший? Или ребенок? Или кто это?

А н н а Я не знаю... Я ничего не понимаю. Я боюсь.

Уходят.

Сцена пятнадцатая.

Финальная

Парк. Дождь кончился. Колесо крутится. Мальчик без имени. Один.

— Анна. Значит, сейчас ее имя Анна. Господи, пусть живет моя Анна!

Подбежав к колесу обозрения, запрыгивает в корзину и сразу на сцене — полная темнота.

Голос М а л ь ч и к а б е з и м е н и:

— Господи, только бы насмерть!

Глухой звук удара. В прежней темноте — пронзительный крик Анны.

Шестнадцатая Сцена —

Эпилог

Пустая сцена. На полу лежит Мальчик без имени, к нему подходит Женщина в белом, пытается нащупать пульс на сонной артерии, что-то шепчет. Далеко в стороне стоит Женщина в голубом.

Ж е н щ и н а в б е л о м. Вот дурачок. Ну поднимайся, пора. *(В сторону Женщины в голубом, неласково.)* Помоги же! Да можешь с нами идти — тебя простили. *(Женщина в голубом подходит, и они вдвоем помогают мальчику встать.)*

М а л ь ч и к б е з и м е н и. Все, я умер, да?

Ж е н щ и н а в б е л о м. Ну, это ты там умер, а здесь родился. *(Женщины берут его за руки, и они, разговаривая, втроем идут со сцены, через зрительный зал, к выходу.)*

М а л ь ч и к б е з и м е н и *(Женщине в белом)*. А-а, так значит вы — повитуха?!

Ж е н щ и н а в б е л о м. Вроде того. Не зря, видать, тебя гением считали.

М а л ь ч и к б е з и м е н и. Ну зачем так громко — гений? Просто очень не дурак. А скажите, пожалуйста, я могу еще раз вернуться?

Ж е н щ и н а в б е л о м. Зачем? Ты же понимаешь, что больше тебе там делать нечего. Никогда.

М а л ь ч и к б е з и м е н и. А она? Как же она? Когда мы встретимся?

Ж е н щ и н а в б е л о м. О-о, сложно сказать, ей еще предстоит научиться помнить, ждать и любить.

М а л ь ч и к б е з и м е н и *(заметив, что Женщина в голубом вытирает слезы, обращается к ней)*. Вы плачете? Почему вы плачете?

Ж е н щ и н а в б е л о м. Не приставай к ней, она виновата.

М а л ь ч и к б е з и м е н и. Может, я могу чем-нибудь помочь? Давайте я возьму вашу вину.

Ж е н щ и н а в г о л у б о м *(гладит его по волосам)*. Ты ее уже взял... и не только мою...

Р. S. Сцена

Комната брата Анны. Он сидит в кресле. Он один.

— Она опять плачет...

Занавес

Р. S. P. S. Выходит Анна

— А мир и в самом деле рухнул... Что же вы сидите? Всё.

Евгений Суворов

Родился 30 октября 1934 года в д. Жизневка Иркутской области. После окончания Иркутского госуниверситета работал в газетах «Советская молодежь», «Читинский комсомолец», «Восточно-Сибирская правда», на областном радио.

В 1976 г. был принят в Союз писателей России. Творческий путь начал с рассказов, привлек к себе читательское внимание лиричностью, умением описывать тонкие движения души и чувства.

Книги Е. Суворова в разные годы печатались в Иркутске и Москве, в последнее время писатель трудится над продолжением серии очерков о селе, о переменах и новых испытаниях, постигших сибирского крестьянина.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

Рассказ

Давно я живу в городе, и в деревню приезжаю все реже и реже — не оттого, что разлюбил и стал забывать родные места, а все больше становится некогда, город требует новых и новых усилий, чтобы чувствовать себя в нем, как дома. Но даже когда мне совсем хорошо в городе, вдруг навалится на меня тоска — о том, что я хоть и не хочу, а теряю что-то самое дорогое для меня.

Иногда я себя оправдываю: я все больше боюсь ездить на родину — слишком много грустных воспоминаний в первый же день, в первый же час приезда...

Та же дорога с редкими огромными соснами, поля, как поднимаешься на гору, знакомые крыши домов, и среди старых обгорелых пней и молодого березника цветы напоминают о себе одной и той же знакомой мелодией. Но прибавляется в ней какой-то новый мотив. Я оглядываюсь, чего-то не узнав, может быть, того, что во всем, что вижу, уже нет меня, я уже становлюсь всему этому чужой.

А ведь было когда-то не так!

Стараясь догнать ушедшее, я твержу себе: все брошу и на день, два по-

явлюсь дома. А в дни отпуска поживу дольше — не надо мне дальних поездок к морю, южного загара, не хочу я видеть вечнозеленых деревьев, не уйдут от меня церкви и княжеские дворцы...

И я сажусь в поезд. Темно-синие зеркальные вагоны бегут среди полей и леса, но это еще не мои поля, не мой лес. И в самом начале пути предательский голос — я знаю, что это не мой голос, — начинает успокаивать меня: ничего не изменится, если ты побудешь один день дома, только хуже тебе...

Что — хуже?

На этот раз я лучше, чем когда-нибудь, знаю, для чего еду. Я придумал такое и даже не придумал, а это подсказала Ты в такой день, когда я уже привык к себе, и когда все окружающее меня сплошным разноцветным кругом разделялось на части: это — белое, это — зеленое, это — красное... Я думал, что вижу те же цвета, но это были только их названия...

Ты появилась на короткое время из тех краев, где я никогда не был. Я знаю, где Ты живешь, но чтобы не потерять Тебя, я еду не в Твои края, а к себе домой.

Мне остается два часа пути. Поднимаюсь, выхожу в тамбур, долго смотрю в окно: однообразная белая пелена снега и леса до самого горизонта. Дома и станции — все потонуло в сугробах. Впервые за много лет я еду в деревню не летом или осенью, а зимой. Холодный ветер врывается в открытую дверь. Мне не хочется ее закрывать — мне нужен этот ветер, его свежее дыхание... Достāju пачку сигарет «Наша марка», распечатаваю, закуриваю. Это Твои сигареты.

Однажды Ты спросила:

— Плохо, что я научилась курить? Я сама не понимаю, зачем мне нужен дым. Хотите, брошу?

Что я мог ответить...

— А вы? Скажите, зачем вы так много курите?

И, пристально посмотрев на меня, закрывая книгу, о чем-то задумавшись, попросила:

— Не надо, не отвечайте.

Мне кажется, что она все понимает, несмотря на свой еще совсем юный возраст.

Ночью мы ходили к реке.

Ты все пыталась пройти по кромке льда над черной дымящейся водой, я удержал Тебя. Быстро, сводящей с ума походкой. Ты почти бежала по берегу. Я помнил и в темноте снова старался различить цвет Твоих коротких сапожек, зимнего пальто и модного теперь шарфа. Твое лицо разгорелось от ветра. Ты вдруг остановилась и сказала:

— Зима, январь, а река не замерзла! Никогда не видела...

И спокойно приказала мне:

— Поднимите воротник.

— Зачем?

— Холодно.

Каждый раз мы все куда-то бежали, бежали, так и не успели поговорить.

2

В деревню приехал я вечером.

Как тихо здесь после города, как скрипит под ногами даже в темноте белый снег, как пахнет свежераспиленными дровами и дымом из печных труб!

В ограде ко мне подбегает постаревший мой друг Трезор.

— Трезор, ты хромаешь?

Осторожно трогаю его раненую

ногу, нащупываю прострел, затянувшийся твердым костяным рубцом. «Если бы я был дома, никто бы его не тронул...»

Трезор впереди меня появляется на пороге — и, приветствуя нас, гудит, потрескивая, новая плита, уже красная с одного бока. Меня встречают родные. Лохматый мой друг уходит, оглядываясь, как бы говоря: «Ты не задерживайся, выходи на крыльцо, и мы будем что-нибудь вспоминать...»

В комнатах с крашеным потолком тепло, уютно, я радуюсь своему приезду и думаю:

«Когда-нибудь сюда, в этот дом, придет Твое письмо. Оно будет лежать на столе, дожидаясь меня, а может, я первый встречу почтальона и, не скрывая радости, буду держать в руках тонкий конверт...»

Твой поезд, грохоча на стыках, летит сейчас в ночь. Я слышу его низкие, тревожные сигналы, и кажется, что нет ничего сильнее его металлического бега. Необъяснимое чувство дороги и возвращения домой будет объединять нас. Дотом Ты пойдешь к знакомым. А мне надо побыть в зимнем сверкающем лесу, войти в его морозно-сонное ледяное молчание...

Я выбираю лес, который бы понравился Тебе, сворачиваю с дороги и глубоко проваливаюсь в снег. Трезор, удивленный моим поведением, медлит секунду, с лаем бросается в снежное море — и очень похоже, что он не прыгает по снегу, а плывет. Прошу его идти по моим следам, но он делает дорогу рядом со мной, обгоняет, нетерпеливо ждет: он хочет угадать, в какую сторону мы пойдём.

Солнце только взошло, и впереди деревья и снег розовые. На поляне, около черно-зеленых молоденьких елочек, согнутых от снега, краснеют замершие ягоды шиповника. В воздухе все меньше ледяных искр, но зато сильнее начинает блестеть снег. Плотным кольцом меня окружают сосны, вершины их очерчивают круг неба — как будто стою на дне глубокого колодца. Трезор, отряхиваясь от снега, смотрит мне в глаза: «Ну, что же ты, идем дальше!»

Кажется: вот сейчас, сейчас я войду в розовые солнечные полосы, но они

отодвигаются, и с какой-то радостной болью я продолжаю тонуть в снегу... За частыми стволами деревьев синее заледенелая, со старыми следами тропы. Дальше иду по ней. Солнце теперь оранжевое, поднялось над Песочной горой и сделалось меньше. От морозного лесного воздуха, от дымчатой снежной пыли, медленно падающей с дрогнувшего дерева, от невозможности вместить в себя столько чистоты и свежести начинается позванивать в ушах. Пора возвращаться в деревню.

Над домами прямые, высокие столбы дыма. У соседских ворот стоит и смотрит на улицу древняя, в белом полушубке старуха. Валенки на ней, донизу закрытые широким платьем, маленькие, детские. На реку, к ледяной колоде, два мальчика верхами гонят на водопой табун лошадей. Дорога к водопою крутая, и под звон мальчишеских голосов слышен быстро удаляющийся топот... Все смолкло, снежная пыль осела на дорогу, а старуха все смотрит в сторону проулка, в котором скрылись мальчишки и лошади...

К закату небо стало окрашиваться в грозные тона: багрово-красные, черные столбы росли, поднимались; облака, подсвеченные снизу, дымились; неполная луна, бегущая среди длинных разорванных облаков, меняла цвет, напоминая лицо каменно-древней и властной женщины. Когда-то, в детстве, я видел такой же бешеный закат и не то вспомнил, не то догадался: будет крепкий мороз!

К ночи в нашем огромном бревенчатом доме стало потрескивать в углах, на стеклах окон появились новые ледяные узоры. Кто-нибудь поднимался, подбрасывал дров в плиту — и долго, в темноте, на стенах и на палу не исчезали дрожащие отсветы пламени...

3

В городе, вечерами и ночью, я сидел за стол и часами просиживал над белыми листами бумаги — пытался на-

писать Тебе письмо. В бессчетный раз появлялось в начале листа Твое имя — и сразу же я видел большие темные глаза, звучали слова: «Ну, что же делать?..» И я не понимал значения этих слов. Старался найти в них что-то грустное и не находил. Два коротких банта делали Твое лицо еще более жизнерадостным и детским.

Когда мы шли из кинотеатра (был какой-то документальный фильм, из которого я не помнил ни одного кадра). Ты сказала:

— Мне нужно побыть одной.

— Тебя проводить?

— Как хочешь.

Я остановился. Ты продолжала идти, оглянулась, и мы с минуту стояли и смотрели друг на друга издали. Потом шли рядом. Ты взглядывала на меня, как будто мы только что сильно поссорились.

Больше мы не виделись.

Письмо я написал длинное, на двенадцати страницах. Никогда ни с кем не был я так откровенен за всю свою жизнь.

Утром перечитал все двенадцать страниц — и сам испугался того, что в них было.

«После такого письма я ей буду не нужен. Я же тут весь как на ладони!»

Второе и третье письма были похожи на первое, и я их складывал в стол.

Четвертое получилось.

Я знал, как чуть не отправил первое письмо, и поэтому четвертое, когда оно было закончено, читал так же придирчиво. Кой-где подправил, еще раз переписал, прочел и вздохнул — нет, не скажу, что с легким сердцем, — я настолько спрятался за веселыми словами, что даже казался равнодушным к Ней. На такое письмо Она сможет легко ответить, — успокаивал я себя. А уж потом... все получалось вроде бы правильно: потом я посылаю третье, второе, и, когда Она привыкнет, — первое!

Я пошел на почту и, подчиняясь не себе, а какому-то чужому голосу, отправил четвертое письмо.

Улица улыбок

Дмитрий Коньков

г. Северск, Томская обл.

БЕСЕДЫ ДИПЛОДОВОК

Место действия — тропический лес где-то на территории современной Европы. Время действия — примерно 70-80 миллионов лет назад. На опушке мирно пасется стадо диплодоков. Слышны хруст пережевываемых веток, шумное дыхание и изредка — задумчивое мычание пресмыкающихся. Последние занимаются тем, что составляет смысл их длинной и абсолютно бесполезной жизни — они жрут.

Проходит некий неопределенный отрезок времени, за который ничего не меняется. Диплодоки продолжают сосредоточенно жрать.

Вдруг дремучая чащоба тропиков раздается в страхе, и из нее вываливается тираннозавр. Стадо на мгновение отрывается от трапезы и заинтересованно поводит в его сторону бесконечными шеями. Тираннозавр фыркает, отряхиваясь от приставшего к нему хвороста и бурелома.

— Опять сейчас будет еду выпрашивать, — подмигивает один диплодок другому.

— Ага, — отвечает второй, — и опять скажет, что он — вершина пищевой цепочки, и поэтому ему все можно.

Голоса у диплодоков, как это бывает у толстяков, высокие, писклявые и не соответствующие их размерам.

— Ну что, готовьтесь, — подходит к ним тираннозавр. — Сейчас я буду вас кушать. Потому как я — вершина...

— И потому, что вершина, думаешь, что все можно, да? — визгливо-нахально спрашивает первый диплодок.

Обескураженный тираннозавр, который действительно так думает, тянется почесать затылок, но не достает — лапки короткие.

— Ну, не все, надо думать, — смущенно отвечает он. — Жирного, наверное, нельзя, печень что-то последнее время пошаливает.

— Стареешь, однако, — в один голос сочувственно вздыхают диплодоки.

— Да уж, — кивает тираннозавр, внимательно разглядывая собеседников. — Вы тоже не молодеете, вон седые чешуйки пробиваются...

— Поседеешь с вами, — ворчит второй диплодок, — много тут всяких зубастых ходит, и все кушать хотят, и всем деликатесы подавай.

— Поумничай у меня, — устало говорит тираннозавр, существо хоть и толстокожее, но в данный момент донельзя раздраженное. — Вот откушу башку, будешь знать, как умничать-то.

— Кусай, рептилия! — патетически вопиет диплодок № 2, любящий на досуге изображать из себя диссидента. — Кусай, всех не перекусаешь! Мыслить не запретишь, у мысли нет границ!

— Тебе легко говорить, — хмыкает первый диплодок. — Когда носишь все мозги в «одном месте», башка вроде получается ни к чему.

— Как это — ни к чему? — удивляется второй. — Я ею ем.

— Старо, — кривится тираннозавр, — и не смешно.

— Конечно, не смешно, — соглашается второй, — потому что это правда.

— Вот потому и вымираем, что думаем «одним местом», — назидательно восклицает тираннозавр.

— Что, действительно вымираем? — встревожено переспрашивает первый диплодок.

— А то как же! — тираннозавр экспансивно взмахивает передними лапками. — А вы не знали? Палеоцен на носу! Каких-нибудь 10-15 миллионов лет, и — ага!

— Что — «ага»?

— Все — «ага».

Диплодоки обеспокоенно переглядываются.

— Не волнуйтесь, — успокаивает тираннозавр, — вы все равно не доживете.

И многозначительно щерит пасть.

— А будущие поколения? — вопрошает второй диплодок, все еще не вышедший из образа. — Что будет с нашими внуками?

Тираннозавр пожимает плечами:

— Точно пока неизвестно. Метеорит, потоп, инопланетяне, ядерная война — еще не решено окончательно. Не все ли равно?

— Одним днем живешь? — осведомляется первый диплодок. — После нас — хоть потоп?

— А пусть и так! — тираннозавр в запале дискуссии валит хвостом пару деревьев, которые тут же обглодали его собеседники. — Пусть! Птеродактили тоже ни сном ни духом не думали — и ничего, вымерли как миленькие, уступили, как говорится, эволюционную нишу — этому гнусу в перьях. Фу, пошли вон, проклятые, ам, ам, гр-р.

В ответ — насмешливый птичий щебет.

Тираннозавр отплевывается от пуха.

— Даже закусить нечем, — бурчит он тоном ниже. — То ли дело в старые времена, один птеранодон — двадцать метров в размахе. М-м, конфетка.

Он сладко зажмуривается.

— Ну да, ну да, в старые добрые времена и трава была зеленее, и солнце ярче, — скептически говорит первый диплодок.

— Насчет травы я не специалист, не знаю, — качает головой тираннозавр. — А про солнце точно могу сказать — холоднее стало. И правильно, иначе как ледниковый период настанет?

— Все-то ты знаешь, — с завистью говорит второй диплодок.

Польщенный тираннозавр заливается краской:

— Питание, наверное, хорошее, — делает он ответный комплимент. Довольные диплодоки издают утвердительное мычание.

— Приятно поговорить с вежливым и умным пресмыкающимся, — улыбается первый диплодок. — Так редко в последнее время встретишь достойного собеседника.

Тираннозавр улыбается в ответ, диплодоки вздрагивают.

— Да и вы, ребята, вроде ничего, — говорит он, задумчиво посмотрев на стадо. — Ладно, не буду я вас кушать, пойду найду кого поглупее, а к вам уж — в следующий раз.

С тем рептилии раскланиваются, и тираннозавр удаляется обратно в джунгли.

— А он — вполне, — говорит первый диплодок, потянувшись за свежей зеленью.

— Угу, — отвечает второй с уже набитым ртом.

Из норы под корнями развесистого кипариса за ними наблюдает маленький мохнатый опоссум. Его нос вымазан в яичном желтке.

— «Найти кого поглупее!» — передразнивает он. — Да таких тупых жиртревостов на всей планете — пара диплодоков и тираннозавр. Стоят и байки травят, подумать только! Делом надо заниматься, а не словоблудством. А еще удивляются, что вымирают...

Выдав эту тираду, так и оставшуюся никем не услышанной, опоссум выбирается из норы и неспешной трусцой припускает вдоль опушки, вынюхивая кладки диплодочьих яиц.

Первоцвет

№ 2 (18) 2004

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется
благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре
администрации Иркутской области.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952) 29-07-93, 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Цена свободная.

Бумага офсетная. Печать RISO

Заказ № 4. Тираж 650

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Оперативная типография «На Чехова»
г.Иркутск, ул.Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056

Лицензия ПД №13-0035.

E-mail: info@print.irk.ru.